Александр Яд

Стасик

Александр Яд

Стасик

«Издательские решения»

Яд А.

Стасик / А. Яд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963671-3

Каждый из нас, так или иначе, задается теми главными и очень неудобными (!) вопросами, ответы на которые не находит всю свою жизнь. Моя книга — это яркий тому пример.

ISBN 978-5-44-963671-3

© Яд А.

© Издательские решения

Стасик

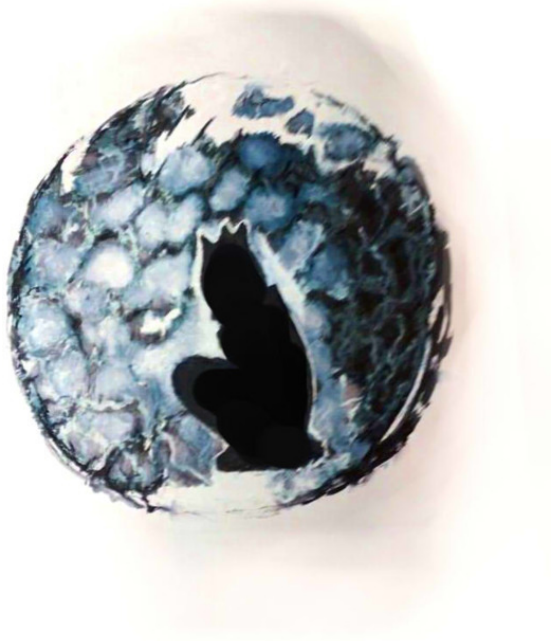
Александр Яд

Где-то в самом-самом море-океане, на трех-верстовой глубине, в вечном холоде и мраке, живет чудо-юдо люминесцентная рыба. Живет там изо дня в день и ни сном ни духом не ведает – ни про этот самый день, ни про солнце, ни про полет орла над альпийскими лугами, ни про гуманизм доктора Мониша… А мы? Мы, которые ограниченны пятью чувствами и приемником в головах. Что знаем мы?

© Александр Яд, 2019

ISBN 978-5-4496-3671-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Как сейчас помню – это было в одной научно-популярной короткометражке. Занимательный сюжет! Невидимый человеческому глазу мир, подсмотренный в микроскоп. Фильм про весеннее влияние солнечного света и тепла на репродуктивную деятельность микроорганизмов.



На экране происходил весенний гон дафний. Благоприятные условия дали отмашку всем и вся плодиться и размножаться и водные блошки, тоже, как часть коллектива «Фауна», рванули взять свое под солнцем. В этом фильме фактически подсмотрели блошиные сатурналии в купе с родильным домом. Многие барышни были уже на сносях, на последнем сроке, и пленка стала свидетелем того, как всё блошиное кружась в оде радости женилось, а другие, кто оказался порасторопней уже разрешались от своего бремени. Добрый бубнящий голос за кадром

пояснял нам – что и как, а на экране из блошиных маток выскакивали их уменьшенные копии. Мама, дочка – одно лицо! Здесь, это была чистейшая правда! Беременные блошки-мамы крутились под водой, а из них подобно пробкам шампанского выстреливали блошки-дети.

Но в каком-то моменте камера сделала акцент только на одной дафнии. Не помню, но кажется, что сердобольные документалисты даже окрестили ее каким-то именем. Дафния «Агнесса» или «Пенелопа». У них такое часто водится. Тут психология! Блоха без имени – просто блоха, а если Агнесса, то она уже блоха с биографией и как бы личность, и как бы к ней уже другое отношение. Так вот, в центре внимания оказалась та блошка, что мучилась, если про водную блошку вообще можно так сказать, что она способна мучиться. Она никак не могла разродиться. Ее младенец застрял и торчал из нее ногами вперед наполовину, и дело не шло – ни туда, ни обратно. Пусть ее звали Агнессой. Агнесса конвульсивно дергалась, плыла разными траекториями и по всему видать прилагала усилия, но все было тщетно. Плод застрял намертво, и все эти ее муки особенно контрастировали на фоне того, как другие – Раз! И готово! Раз! И родила! Вокруг кружили счастливчики, а бедная Агнесса все дергалась, и дергалась с застрявшей в ней дитятей. Помню такую сочувствующую интонацию в голосе комментатора за кадром, что мы, дескать, являемся свидетелями естественного отбора с его радостями и трагедиями. Но дальше голос брал мажорные нотки и утешал нас, говоря, что эта драма с неудавшимися родами Агнессы и радость тех, кто стал здесь счастливыми родителями в общем-то и целом немногим отличаются друг от друга, и при этих словах камера отодвигалась и нам открывалась правдивость его слов, потому что оказывалось, что все эти перипетии происходили в одной капле воды на стекле. Голос за кадром успокаивал нас, говоря, что-де все равно и какая мол разница, ибо в данном случае все обречены, т.к. через пару минут капля неизбежно испарится и все погибнут. Что в итоге все здесь будут равны и эта несчастная, и эти счастливые, стоит только подождать две минуты. Фатум!

Казалось бы, давно это видел и по сути оно чепуха, но эта блошка с торчавшими ногами ее ребенка крепко засела у меня в памяти. Задуматься – А сколько таких людских судеб, как у этой блошки? Мама и ребенок. Я не беру в расчет то великое множество, что были аннулированы в абортах, я про тех, кто родились? Вот появился на свет маленький человек без патологий, и как бы согласно здравому смыслу он имеет все шансы и возможности реализоваться в этой жизни. Но на него сходу наваливается куча факторов и вдруг, в каком-то черном понедельнике с ним происходит нечто такое, из-за чего вся его жизнь, еще в самом ее начале, идет на смарку. Он еще не сформировался полностью для самостоятельного движения, как вдруг БАЦ! и обрыв или стена, а дальше излом всей его судьбы. И этот маленький человек он становится подобен тому младенцу водной блошки, застрявшему в лоне матери. Вроде все могло бы быть, ан нет – не случилось. Задуматься, сколько таких людей? Сколько подобных судеб? И чья тут вина? И где ошибка? А главное где выход? Есть ли он вообще этот выход для таких, как мальчик из моей истории?

История, записанная ниже, это придуманная история, но не фантастическая. Все, что в ней рассказано вполне обыденно и могло произойти. Разница только в том, что все эти возможные события собраны здесь в одном месте. История про маленького мальчика блоху. У него были две руки, две ноги, голова способная понимать, но он так и не воспользовался всем этим своим богатством, он так и не смог родиться вполне в эту мирскую жизнь. Существует ли тогда разница между этим маленьким мальчиком и той маленькой блохой, когда смысл обоих сведен к нулю? И в чем вообще этот смысл? Есть ли он в венце творения человеке и блохе? В набожности Достоевского и атеизме Хоккинга? В общем, все, что будет дальше это пространные размышления на тему.

В моих записках я использовал, много неправильных оборотов речи, дворового фольклора, и грамматически не совместимых изгибов. Потому что здесь записана жизнь мальчишки, 9-летнего мальчишки его глазами. И оно, если исправить слог и выровнять все по уму, оно

тогда будет, как с тем шахтером Ван Гога – исправьте все неправильное в его рисунке и получится, правильный академ. рисунок человека-шахтера, но исчезнет, потеряется тот живой, самобытный угольный шахтер, действительный шахтер Бельгийского захолустья, который жил там, и которого поймал Ван Гог.

1

Когда я сажусь за руль, если едем куда-то с женой, то она это, это ну совсем другой человек становится. Она всё знает! Из нее прямо прёт полководец, а я, я оказываюсь где-то между тупым горилом и неандертальцем. То я повернул не там, то я не в том ряду стою, то надо было остановиться перед той машиной, то надо было обогнать вон ту «красненькую» или самое ее любимое: «Ну куд… куда ты прешь! Не видишь что ли!!!» Все время какие-то непонятные замечания, непонятные претензии. У нее железно выходит, что они то, они то все ослы и бараны, но я то же не осел! Я по меньшей мере обезьянин. Так какого!… прусь, когда там этот баран лезет?!

Раньше, конечно, всегда ругались по первоначалу, когда я помню только права купил и ездили первое время вместе – каждая наша совместная выездка всегда заканчивалась скандалом просто до небес. Но потом я научился молчать. Сегодня, хотя оно уже теперь вчера, неважно, в общем, когда сели-поехали нашей маленькой за подарками, я конечно уже человек стрелянный, я знал, что если сейчас начну отвечать, то ничего хорошего из этого не выйдет. Сижу, молчу, рулю, улыбаюсь.

Был последний день ярмарки, поэтому собрались впопыхах- поехали.

– К шапошному разбору… Приедем! Купили дочке подарков! Маладэс! – она периодически злобно искрила на меня сбоку всю дорогу.

Ну. Ну как всегда! Всегда, везде у нее виноват был я, потому что – Кто же если ни я? Парковку долго искали – вот еще история: машина то заедет, то выедет, а мы, нет не мы, а я – Я! всегда оказываюсь не в том месте.

– Ну куда?! Н…! Ну! Куд, куд…! Ну вон же! Ну куда ты едешь! Не видишь – справа! Там вон карман был! – упрек за упреком и все мне, все в меня. Если верить Карлосу Ивановичу Кастанеде, то моя жена это просто сокровище. У него оно как-то там называлось – что-то вроде персонального вампира. Суть в том, что это такой человек, которого ты любишь, который любит тебя, и если не любовь, то обязательно должен присутствовать сильный эмоциональный фон между вами. И вот этот человек периодически высасывает из тебя все соки, выматывает из тебя все нервы. Но только такой человек способен либо доконать тебя в конец, либо помогает тебе развить в себе способность к терпению, к некому созерцанию и непротивлению, что ведет к аккумуляции внутренней энергии. Как-то так у него там было и, наверное, я тогда – счастливейший из людей, особенно с женой на дороге и вчера, в общем, было аккумулировано много энергии. Спасибо моей хорошей, моей любимой! Приехали когда, зло хлопнула дверью:

– Вся задница мокрая! Говорила велюр надо брать.

Ну, это можно считать была конечная вишенка на вершину ее возмутительного торта. Встала, оправила себя сзади, мазнула помадой, чмокнула губами, глянула в зеркальце. Всегда удивлялся как это у них? Оп! Оп! И снова мадам конфетка. Тут все ее внимание переключилось на торговый центр. Судя по фасаду площади там просто нереальные, нереально огромные! Шумы сходу залили мои уши. Самое веселое, что сам я, будучи торгашом, в свободное от работы время, стараюсь всячески избегать всех этих злачных товарняков – супермаркетов, магазинов, бутиков даже в булочную стараюсь как можно реже наведываться. Я не люблю людей, а толпу искренне ненавижу, но моя благоверная, она напротив – бабочка к цветкам летит с меньшим азартом, нежели она во всё это. Там, где что-то кучей продают – для нее просто праздник. Ей в кайф, когда можно цельный день шляться по каким-то торговым точкам среди всей этой калгатни, даже не столько для того, чтобы купить, а просто так. Туда зайдет, сюда зайдет, там приценится, тут посмотрит. В итоге «Сдуреть! Ну и цены!» или «Ну ссё г-но!

Смотреть не на что!» – и результат может быть вообще нулевой, может вообще за весь день ничего не купить промотав километры, но все равно общее впечатление от всего этого у нее будет в плюс.

Влились в толпу и башку сразу со всех сторон придавило: «Ай на не Тыц! Тыц!» – музыка. И волнами голоса, то нахлынут, то отхлынут, а иногда еще чайка или баклан через море голов:

– Зина! Двадцать! Двааадцать! – и с подбитым крылом два раза резко прорезав воздух надрывным криком из уха в ухо пролетел стерео-вопль в синем спортивном костюме:

– Со склада с бретельками! – и все это под «Тыц! Тыц!»

Когда я в таких местах, я всегда ухожу в себя. Ушел в себя и надолго. Наверное, это своего рода защитная реакция, я не воспринимаю в это время окружающий меня мир вполне. Вот спросить: «Что я видел в первые два часа, пока мы там ходили?» Потому что были и еще других два часа. Ну сходу вспомню только огромный желтый банан, который стоял посреди павильона и по-моему рекламировал какое-то детское пюре. На нем еще был красными кучерявыми буквами логотип-эмблема и этот самый… рекламный слоган. И вот, вопрос в лоб:

– Что ты видел?

– Банан! – два часа я был созерцателем банана и больше ничего не заполнило мое сознание. Даже на продавщиц, помню, не смотрел, из принципа, и это при моем-то характере трубодура, когда за каждой смазливой юбкой – самое меньшее взглядом. А тут вот стою, смотрю в точку само рефлексии. Единственно, что еще меня отвлекало – это периодически опускающиеся предметы в сумку. В руках у меня были две сумки, оно про запас. Жена хотела накупить много разных подарков, чтобы нашей маленькой было о чем вспомнить о своем первом юбилее. Вот в этом я ее понимаю. Единственное, наверное, в чем я ее тут понимаю в данном месте.

Время! Сам не заметил, как в сумках уже лежали лошадь, которая пони, розовый слон, какой-то жирафчик. Ну, жирафчик, кстати, когда увидел яркий, торчит рогами голова на пестрой шее, он мне самому глянулся, и по-моему там еще лежали четыре пупсика весь интернационал, от белого до негритенка и что-то еще и еще, потому что сумки были уже достаточно пузатые, на восьмом месяце. Вокруг нас бурлила каша прилавков, лиц, звуков, запахов и вот тут, совсем внезапно случился ОН. Надо восклицательный знак – ОН!

У меня в жизни было однажды такое же ощущение, когда я, помню, мирно спал, самым сладким сном под утро. Была зима, за окном: ночь, снег, темно, морозно и все располагало к самому крепкому храпу и спал. Как вдруг из сна меня выдернуло словно багром сознание того, что в 5 утра прилетел самолет. Самолет! Я кровь из носу должен был его встречать и напрочь забыл про то. Все время «до» – помнил, а в самую ночь прилета вылетело, забыл напрочь! Вскочил, как ошпаренный на будильнике 5:05. Во сне конечно, я часов не видел, но первым делом, я помню циферблат электронных часов, он горел зелеными цифрами где было 5:05, и я проспал, но еще не все потерянно! Сон как рукой сняло, не, не рукой, там было боксерской перчаткой… И сейчас, здесь, на ярмарке случилось приблизительно так же.

– Смотри, какая прелесть! – и жена протянула мне куклу. Это была большая кукла мальчика-карапуза, практически в рост ребенка с зелеными глазами и огненно рыжими кудрявыми волосяшками. Взяв его из ее рук я в раз проснулся. Я понял, что как я ни пытался забыть всё то, много времени пытался, это были годы времени, но я так и не смог отделаться от него и от того ощущения. Смотрел на эту куклу, и она ничем не походила на того, что там, когда-то. Сейчас я держал миленького хорошенького мальчика с розовыми щечками, кудряво улыбающегося, в бело-зеленых ползунках на лямках под цвет его зеленых глаз, но мой загривок вздыбился и во рту стало вязко кисло, и все те ощущения разом вернулись. Именно те, те – которые я тогда пережил. Память тела! Оно тут же мигом всё ярко вспыхнуло – то, что годами было погребено и тлело торфом где-то на дне. Я сверху рачительно закидывал это разными другими впечатлениями, старался изжить потушить его навсегда, но через эту куклу оно опять разом

все вспыхнуло, опять то самое, которое было тогда, там, оно всё прорвалось. Глаза! Наверное, все дело в них и память тела! Даже запах тот услышал, и та тошнота опять подкатила к горлу…

Уснули. Наша маленькая у себя, а моя демонстративно отвернувшись к стенке. Упрямый осел, идиот, на отрез отказавшийся покупать такую красоту-куклу, сегодня наказан и будет без десерта. Ну и…

Встал, пошел на кухню, все-равно бессонница. Закрылся. Кружка чая. Черный. Свежий. В нос шпарит запашищем. Настольная лампа – раритет сталинских времен, листы бумаги и ручка, ручка… Ручка? О! Нашлась и даже пишет, теперь же всё пальцем в морду экрана тыкаю и ручки уже думал…, но нет, есть одна. И!… Минуту, две, третью – как баран на новые ворота – чистый лист и Джорж Дюруа. Нет! Надо попробовать. Надо! Пусть оно попытка опыта, но если желание прет, то должно пойти.

С чего бы начать? Я же никогда ничего не писал. И вообще возможно ли взрослому рассказать историю девятилетнего мальчика? Увидеть все его глазами так, чтоб это была его история, а не пересказ взрослого циника? Задача – почти невыполнимая! Но цепляюсь за то, что этот самый мальчик я самый и есть и его история это моя история, вот единственно та соломинка, что меня подбадривает и подстегивает. Все то прошлое пережил я сам, и теперь только надо бережно, не дыша вытащить все это из шкапчика памяти и расставить на листах бумаги. Парадигма взрослого восприятия, думаю, будет неизменно присутствовать и неизбежно наложит свой отпечаток на всё повествование, как бы я ни старался отделить свои два я и снова увидеть мир глазами мальчика девяти лет. Но постараюсь не всыпать лишнего яда. Тогда в девять лет, я был несоизмеримо чище, и еще многое мне было неведомо. Переживания, впечатления были совсем внове и по своей сути чисты и прозрачны. А являюсь ли я таковым сейчас? Конечно нет! Я, который будет записывать эту мою историю, насквозь прокурен эпикурейством и скепсисом. Но сегодня, там, на ярмарке меня шарахнуло именно мое мальчишеское и хочу попробовать. Надо попробовать! Как там было? – Император ел отруби!…

Итак, с чего бы начать? Да вот хотя бы с рассуждения. Череда дней. Пятница, суббота, воскресенье. И предыдущая пятница всегда будет похожа на позапрошлую. Будущая суббота будет похожа на нынешнюю. Но вот в череде таких дней, как в стаде овец выскочит вдруг один такой день, который запомнится на всю жизнь. Вот, пожалуй с этого дня я и начну.

Точно помню, что это была среда, а в перспективе суббота. Суббота! Рыбаловка! Я и два моих лучших, самых моих лучших друга – Витек и Виталик, мы собирались пойти на нашу речку, на наше место, там, где коряга, запруда и глубоко. Это я его нашел. Но да не о том сейчас. Я сидел у себя в комнате и готовился. Леска была. Крючок, все дела тоже, а вот поплавок… Я все никак не мог подобрать. И все думал: «На блесну ловить или как обычно на червяка?» Все хотел попробовать на блесну. Говорили, те кто, что только на нее можно поймать крупняка рыбу. Из личного опыта я уже знал, что на мотыля ни шиша хорошего никогда не поймается, а вот на дождевого червяка, как его ни ругают и не оплевывают, на него можно вытащить. Подкормка – тоже так-сяк помогала. Был один вариант – лично сам придумал, мой рецепт подкормки, когда свежий навоз мешается в пропорции 1 к 3 с вареными кукурузными зернами. Но тут была закорюка. Где их сейчас достать? Ни кукурузы, ни навоза. Я, конечно, делал это, но только когда была возможность и не лень, в общем, один раз только делал. А так если, то все как обычно хлебные крошки, крупа в лучшем случае, если ее мама даст и просто удача.

У рыбака главное что? Удача! Можно мотать головой, не соглашаться, но оно правда. Да! Забыл сказать – Я рыбак. Я презирал тех, кто сетью. Если любитель, то сетью – свинство. Только удочкой! В свои девять лет, сам могу похвастать окунем в 4 кг и язем в 3,5. Язь был знатный! Так вот, на что ловить и чем? – никаких формул нет, кроме того, что сеткой свинство. Взять моего трофейного язя. На что я его поймал? Там была не удочка, а палка. Леска – одно название. Замотал ее на конце и затянул петлей за сучок. Из рыбацкого были только грузило, крючок, поплавок, а ну да и леска. Честно сказать – Как он ее не порвал? Удивительно! И вот,

как сейчас вижу – стою кормлю комаров два, три часа – ни шиша! Вся морда горит от укусов, за ушами чешется. Сто раз уже собирался плюнуть уйти, но из одной злобы продолжаю стоять. И вдруг сильно дернуло и потянуло. Я вмиг весь проснулся. Потянуло, да так хорошо! Я сразу понял, что рыба крупная. Напрягся, держу палку, смотрю на тугую струну моей дрянной тонкой лески и изо всех сил по шамански умоляю, заклинаю ее, кричу на нее шепотом

– Не сорвись! Не сорвись! Не надо! Не надо! Не дергай!…

Помню, как я его вел! Сам весь виляя по шаолиньский очень плавно и нежно подтягивал так, что он выписывал одну дугу за другой, и все под моим чутким натягом. И когда он в очередной раз туго длинно выписал в сторону дугу, я, весь напрягшись, все продолжал заклинать.

– Только не сорвись! Не надо, не на-до, не дергай! – даже дышать перестал и все тянул потихоньку, отходя назад и подтягивая его на себя, на себя. Пятился по шагу как бы вдоль по берегу и в то же время пятясь в глубь я, не моргая, весь взопрев медленно подтягивал его на себя, на себя. И когда он уже оказался на мелководье я пошел ва-банк. Чувствуя тугую струну лески, я перехватил закосневшими руками сучок-грибок удочки поудобней и резко с силой

– Дерг! и…

Даже зажмурился: «Вдруг порвалась? Или…? Аа… Плевать!» Открыл глаза, и сначала услышал, как он там, где-то там сзади в траве:

– Шлеп! Шлеп! – а потом и увидел его – искрит весь и хвостом -Шлеп! Шлеп! Радость взорвала мне грудь! Наконец-то я увидел его башковито-окающего во весь свой рот, машущего красивучими красными плавниками! И вот оно это, победное чувство, это самое огромное чувство радости! Наконец-то!…

Эээ…, это трудно описать, объяснить особенно тем, кто рыбаловкой никогда не занимался и вообще смотрит на рыбаков, как на идиотов…

О! Сообщение. Открыл. Настенька! Как чует под руку. «Пусик, соскучилась!!! нэ нэ нэ нэ нэ нэ нэ и завтра жду чмоки чмоки, + два целующих колобка и сердечко. А перед тем как, они там собираются пикетом. Фотку еще прилепила. Это она меня агитировать? Забавная простота 17-ти лет. Фото – чудеса фотоискусства. На ней стоит женская фигура вся увешанная шкурками. Ээ соболя что ли? Не разберу, а вокруг этой фигуры в соболях лежат горы окровавленных тушек. Они де мучутся потому, что этой стерве нужна шуба и это, значит их, ради ее каприза живьем освежевали, чтоб она нацепила на себя еще теплое от крови все это шкурное, положенное от природы не ей, а им, невинно убиенным…

Как бы тут я должен был бы воскликнуть:

– Во цукермана дочь!

М-м! Настенька, Настенька – моя прекрасная эльфийская Фея. В этом году школу заканчивает. Ментальные эманации что ли? Но как это она во-время появилась!

А вот, еще открылось. Типа слоган под постером «Мех? Вот его цена!» И все это как бы возмутительно и ПРОТЕСТ!, а я гад сижу и почему-то улыбаюсь. Горы кровавого, свеже-освежёванного мяса, а я улыбаюсь.

Завтра, она и эти ее единомышленники – зеленые человечки собираются толпой где-то возле парка напротив открывшегося недавно магазина мехов пикетом. Припрутся, встанут, развернут транспарант. Может эту вот фильку с мясом распечатают для вящей убедительности. И три, четыре. Стопудово в рупор, я у них его видел:

– Руки прочь от меха! Руки прочь от меха! – или что-то такое же придумают. Настенька, конечно там зажжет ярче всех – расфуфырится для такого дела и в макияже на шпильках будет громче всех. Я ее знаю. После еще пофотаются для выкладки в обсоцсети своей гражданской красоты. И сразу же после, я браконьер, живодер и убийца карасей, увезу ее, лесную Доброгиню, гулять. И герои, и злодеи – все как обычно смешается. Планета давно бы остановилась, если б такие как я, не помогали ей в лево-стороннем вращении.

17 лет, но дюже инфернальная! Опять перечел аа! Они, то- -есть эти зеленые человеки только за пушных няшек будут заступаться возле красочной витрины, чтобы шубы исчезли как явление.

И вот в голове тут же, вопрос! А как же комар? Всеми презренный, вечно пришлепнутый, комар? Почему его трагическая судьба не трогает ничьи зеленые сердца? Они же, зеленые человечки, должны всех любить. Так? Так! И чем тогда для них убийство куницы трагичней убийства курицы или комара? Своя казуистика? Да просто так удобней и все. А по мне для Матушки Природы оно вообще один хрен – что комар, что куница, что эфиоп. И вот чего они защитнички завтра про курей промолчат или про селедку? Я же вот сейчас пишу про свою рыбину, я же ее тогда тоже безбожно мучил. С азартом без стыда и жалости, рвал крюком гортань живой животине. Рыба боролась за жизнь, металась туда-сюда, а стальной крюк нещадно разрывал ей плоть. А еще после, она мучительно долго задыхалась, лежа на земле, трепеща своим красным хвостом, пока я шарился, ища палку потяжелей, которой как назло нигде не было. Ни камня, ни палки. Помню, бегаю, а она на траве скачет, вертится и ртом окает, ловя воздух. Ее муки длились, до тех пор, пока я не нашел дубак и не тюкнул ее со всего маху по макушке.

Вот оно там по сути тоже было преступлением против живой природы? Конечно! Промышленный рыбак занимается геноцидом в промышленном масштабе, а рыбак любитель – это изощренный маньяк. Он убивает из одного удовольствия. Ни что – ни голод, ни нужда, не побуждают его заниматься этими убийствами живых тварей, кроме праздного азарта. Но когда оно происходит, где все эти Зеленые? Почему они к рыбакам в затон не едут бунтовать? А потому, что там холодно, сыро и нет восхищенных зрителей. Там на шпильках не открыть фотосессию, там скорей по шее можно получить.

О! Или, скажем, есть еще продавцы антикомарина и всяких ядов против насекомых – тараканов к примеру. Дихлофосцы! Эти самые продавцы и производители разве они не преступники? Преступники! Их геноцид вообще планетарный. Гибнут миллионы миллионов, а дихлофосцы наживаются на этом. И как-то ни разу не доводилось видеть зеленых защитничков, которые развернули плакат на котором к примеру будет надпись – «У комара тоже есть право питаться!»

Не… Они же ни идиоты. Такое – чисто идиотизм. Никому и в голову не залезет бредня защищать комара, кроме Корнея Иваныча. А разве для зеленых комар не человек? Разве у комара нет такого права – питать себя кровью? Он должен, верней она должна сосать кровь! Оно ей генетическим кодексом прописано. Так по всей справедливости надо дать ему, им возможность реализовывать это свое право в жизни, потому что Природа комара того требует, потому что по общему положению вещей в природе – он таков каким Матушка-Природа его создала. Закон естества! Но за комара никто никогда не заступится. Комара им, никому из них не жалко. Им белок и куниц подавай. А комаров они сами все хлопают эти идейные борцы. Днем пикетируют в защиту какого-нибудь дуба, а потом каждый с чистой совестью в клозете подтирает свою пятую точку целлюлозой. Ни разу не задумываясь, что подтирает-то изуверски переработанным родственником этого самого дуба.

Ладно, пусть их балуются социальными играми. Подъеду, заберу ее после их балагана. Одно хорошо – завтра витамином адюльтера подлечу свои нервы. А, вообще девчонка она что надо. Хорошая девчонка! Так, ладно. Это все потом. Чего-то я шибко забрал в сторону.

Значит, готовился я к рыбаловке, когда услышал, что он (отец) пришел с работы на обед. Мне еще подумалось, что он раньше обычного. Обычно он наоборот запаздывал. У отца минута опоздания – наряд вне очереди, но это если я, а если он, то он конечно приходил как хочет. А мне ни на полсекундочки, если у него настроение еще злое, сразу как гаркнет. Как будто мир взорвется, если я опоздаю, но я уже ни че, я привык. И, вот отец в калидоре, что-то говорит маме и еще чьи-то голоса, голоса. Не знаю кто. Мама что-то с ними говорила. Потом голоса

ушли, дверь бухнула, щелкнула. Осталися только отец и мама. И тут он распахивает дверь в мою комнату, заходит, я почему-то сразу подумал, но еще не точно, что может что-то не того:

– Антоха!

Смотрю радостный такой.

– Как дела?

– Нормально.

– Как в школе? – и зачем он спрашивал всегда, про школу, про мои дела, если никогда не слушал, что я ему отвечаю? Но я пробубнил, что:

– Да нормально все. По Русскому 4 получил. – почему я сказал 4? Я же ее вчера получил.

– А чё не 5? – но тут пронесло, он не строго спросил. Вдруг, хлоп меня по плечу. Рука железная, улыбается. Эээ! Да он пьяный.

– Держи, Антоха! Это тебе! – и отец протянул мне два

погона.

– Зачем?

– А ты посмотри! – я стал вертеть один – погон как погон и тут дошло. Там вместо привычной одной звезды, теперь горели золотом две. Он загреб меня радостно в охапку и обдал перегаром. Ну, так я и думал: «Точно, пьяный».

– Теперь, Антоха, я пад-пал-ков-ник! Понятно тебе?

Я по привычке хотел вытянуться в струну и что:

– Так точно, товарищ подполковник! – но мое плечо сверху придавила тяжелая, твердая ручища, и я не выпрямился и не выпалил свое дежурное «Так точно!» Тут даже не столько рука, а меня самого как-то сразу всего придавило, когда он сказал;

– Значит-ца слушай команду! Собирай свои вещи. Чтоб завтра к обеду все было собранно и запаковано. Слышишь?

Я кивнул.

– А потом на выход. Ясно?!

– Так точно товарищ подполковник.

Сказал почти шепотом. В голове у меня замельтешило: «Куда собирать? Зачем? Всё собирать что ли?» Я даже впал в ступор ничего не понял, верней я сразу все понял, но не хотел этого, не хотел, чтобы оно было ЭТО -Собирай вещи! – в моем случае значило только два варианта. Либо мы куда-то едем на отдых, но об этом я бы знал заранее и потом опять же школа. В учебное время я никогда никуда не ездил. Либо это значило, что мы совсем уезжаем, а это… Это, оно – конец! Всё новое – место, квартира, новая школа, новый город… и прощай моя рыбаловка в субботу. И самое! Прощайте мои вечные и самые лучшие друзья…

Настроение мое, мягко говоря ухнуло. Правда, оставалась еще последняя призрачная надежда, и я стал за нее цепляться, как за соломинку. Отец мне все это сейчас говорил по пьяной лавочке. Он редко был пьян. Так иногда по праздникам. Но, когда случалось, он почти всегда делал странные штуки. То 100 рублей мне подарит вечером, а утром заберет их обратно. То часы свои командирские, которые потом завтра застегнет опять у себя на запястье и не глядя на меня строго скажет: «Ну, ну! Мал еще!» То еще что-нибудь такое… А! Один раз мы должны были поехать в лес за грибами.

– Сын, грибы собирать любишь?

Конечно же, я любил! Хотя ни разу еще не собирал, но при мысли, что Я! буду их собирать, сразу весь просиял.

– Слушай команду. Завтра едем по боРРовики! Тут такие места! Ммм…! – и я конечно не понял, что значило это «Ммм…», но сразу весь загорелся. Полночи не спал все думал, что вот, как я буду с корзиной завтра шастать по лесу, искать эти самые чудо-боровики и со знающим дело глазом оценивать, что: «А вот это, это не боровик! Это какой то лжегриб.» Помню, накануне вечером побежал к книжному шкафу, достал зеленую большую детскую энциклопе-

дию и долго всматривался в рисунки на развороте слева – «Съедобные грибы», справа – «Ядовитые грибы». Чтобы завтра отличить тухту от настоящего. Смущал только желчный гриб. Как я на него внимательно не таращился, не рассматривал, даже лупу достал, но никак не видел – в чем разница между ним и белым боровиком? Название только разное, а так… В итоге плюнул и сам себе внушил, что, как только встречу, сразу пойму – где какой. За один вечер я стал грибоведом. И, конечно утром я никуда не поехал… С утра отец ушел, как обычно на службу. И ни слова, ни полслова про грибы.

И вот, сейчас вот, вспомнив теперь это, я цеплялся сейчас за соломинку того, что я точно знал мама всегда мечтала – как бы побыстрей перебраться из нашей, как она говорила «дыры» из нашей Тмутаракани куда-нибудь в город, поближе к центру, а еще лучше в Москву. И что может быть отец сейчас навеселе сначала наобещал ей, а потом и мне сказал тоже самое, что вот, дескать, теперь он падпалковник и теперь-то мы уедем отседова.

Мама почему-то ненавидела наш военный городок. Все здесь ненавидела. Ей хотелось города, большого города. Она ничего не понимала ни в рыбаловке, ни в шататься по берегу. И, вот я цеплялся за эту последнюю мою соломинку в надежде, что: «Ну, сейчас вот, отец мало ли чего мог сказать? Навеселе. А завтра с утра он как обычно поедет на работу в гарнизон, в свою часть с той только разницей, что теперь каждый солдафон будет приветствовать его, будет брать под козырек и: «За жа-ю то-варщ пад-па- ко-ник!» – когда еще вчера он выпаливал – «За жа-ю то-арщ ма-ёр!» Отец любил это показывать мне. Вот, какой у тебя отец – ни хухры мухры! А я сейчас наоборот очень жалел, что он подполковник, а не дворник. Я завидовал, всей душой завидовал сейчас Витьку. Вот у него отец дворник. Работает здесь, всегда будет здесь работать, живет здесь и будет жить и никуда не уедет. И Витек каждое утро на выходных может ходить на рыбаловку. Потом опять же у него всегда есть солома для самострелов, которые из катушки и резинки. Солома! Нам обычным пацанам негде было ее. Удача, если щипнешь из метлы потихоря, а Витек, гад -На бери!… Везуха! С таким отцом. А мне… Ээх… Мне теперь одна дорога. И куда? Куда я теперь поеду? Не знаю я куда!

Я тяжело вздохнул и рыбаловка в эту субботу ээх… Чувство безнадёги и, и только бы не заплакать. Не плакать! Не плакать!!! Я стиснул зубы и не плачу и только этим сам себя утешаю, что я теперь не какой-то соплентяй восьмилетний, а что мне девять, почти десять лет. Я – мужик и не плачу! И что любой другой на моем месте конечно бы разревелся, когда суббота и больше не будет рыбаловок и ничего не будет… Обида, а я не плачу!

Дал себе зарок – маму ни о чем не спрашивать, вытерпеть до завтра. А вдруг, правда, все это – так, болтовня только? Загадал – вот стерплю, не спрошу сейчас и так оно и окажется, как я думал.

Вечером мне никто больше ничего не говорил ни отец, ни мама. Они все как обычно. Хотя что-то сказали, про какую-то бумагу, отец утром должен был получить какую-то окончательную бумагу с переводом, и они сейчас молчали – боялись сглазить. Это я потом узнал. Отец на радостях проговорился мне, но все еще висело в воздухе. Вечером, я всего этого конечно еще не знал и не видел, не замечал их общего приподнятого настроения, затаенного торжества, проглядывавшего иногда – и маминого мурлыканья, и этих ее улыбок на отца. Я все думал о своем: «А вдруг? Вдруг, оно все понарошку? Как с грибами и винтовкой?» – я бы так обрадовался! И я тоже затаился молчал, загадав не спрашивать сейчас, чтобы завтра все осталось по прежнему, чтобы мы всегда жили в этом моем городке, а не куда-то там…

Но, утром, продрав глаза, последняя моя надежда лопнула мыльным пузырем, когда увидел маму, которая стоя на табуретке доставала с антресолей какие-то вещи, какие-то тюки, кипятильник, веревки и при этом каждый раз легко спархивая с табуретки на пол, ловко укладывая все это в пасть чемодана. Этот обжора лежал посреди комнаты, жадно разинув свою бегемотную пасть с двумя зубами защелок, а мама весело кормила его. Он глотал наши вещи, все под подряд. Ненасытный гад! В него много что можно было засунуть.

Я сел на кровати и понял, что вчера отец в первый раз по пьяной лавочке говорил все-таки правду. Чемодан все глотал, и глотал, и глотал. В него полетели уже вещи из шкапа: майки, рубашки платья, штаны, отцовский пинжак, мамины туфли, а это значит, что мы действительно куда-то переезжаем. Капец рыбаловке! Теперь мне остается только собрать все свои сокровища, не забыть ничего, попрощаться с моими лучшими и вернейшими друзьями и не плача, потому что я сейчас еще сидя на кровати еще в трусах, еще здесь дал опять себе зарок, что я и сегодня тоже не буду плакать. Мокрое дело не для меня! Но первая мысль сейчас которая не о вещах, марках, значках и фантиках Дональда. Первым очень захотелось увидеть своих друзей, попрощаться со всеми, а уже потом после собируся, и мы поедем в новое место. Мама что-то напевала себе под нос, видимо в отличие от меня, у нее было очень хорошее настроение. Она была очень веселой.

– Проснулся? Иди умываться, смотри только на пол не наплюхай как вчера. Давай быстрей! Я тоже не завтракала.

Я нехотя поплелся, остановился возле нее:

– Ма! А куда мы? Мы правда уезжаем?

– Пы-равда!

В голове мелькнуло и зачем она всегда так говорит, «ПЫ-равда!», «ХА-роший!», «ЧУ-десно!»

– Мы поедем в Калининград. Позавтракаешь потом напомни, чтоб я из кладовки… – но я не понял, что там из кладовки, включил воду и стал чистить зубы.

Завтрак манная каша с желтым пузырем масла. Вычерпнул его потихоря ложной и быстро, пока она не видит, смыл это масло в раковину. Масло, молоко – самое противное что есть! Поел без аппетита и конечно забыл про что-то там в кладовке, которое она просила напомнить.

Сейчас я сел у себя за столом, открыл и долго смотрел на карту, обыскивая ее глазами – где этот Калинкинград? У черта на рогах где-то! Весь Дальний Восток обыскал – нету, Сибирь, Урал, Таджикская ССР, Сахалин – нет его гада! Ни в Латвийской ССР, ни в Польше, ни на Аляске – нет его. Но когда добрался по второму кругу до Московской области, я наконец-то увидел этот кружок Калинкин и сразу все понял. Понятно почему мама такая радостная. Вот он – кругляшок Ка-лин-кин – 3. От него до Москвы два шага Ать! Два! и Москва. Москва – это же мамина мечта. Москва! Москва! Чего там такого? А мне он этот Калинкин сразу не понравился своим кругляшком. Какой- то город Калинок-малинок. Я нарочно читал его неправильно. Я не хотел называть его Калиниградом, а оно куда едем – город Калинок, который одни какие-то ягодки-цветочки. Что мне там обычному рыбаку делать? Там наверное и реки нету… Хотя нет. Вот какая-то Клязьма, Клизма. Ну и что, что там река? Но это же не та река, которую я люблю – не моя река, где есть мой везучий бережок и… Эх… Значит, едем. Я закрыл карту и стал укладывать свои сокровища в сумку с сердито насупленными бровями. Да! Что такое манатки? Витьку мама егошняя вечно ругалась: «Иди собири свои манатки!» Почему говорят манатки? Не хочу я их сейчас! Потом все соберу. Надо сначала друзей…

Бросил сумку, побежал обуваться. После яркого солнечного света в комнате в темном калидора, кое-как впопыхах обулся. Эээ! Не на ту ногу!.. Потом! Сначала надо с Витьком и Виталиком попрощаться.

Бегу по двору, как на зло нету их нигде, чего-то в уме придумываю – что скажу им и как они чего ответят и разревутся. Будут уговаривать меня, чтоб я остался, а я стою и не плачу…

Вон они! В конце проулка стоят. Рванул к ним со всех ног. Смеются, это потому, что не знают еще ничего.

– …у нее из носяры! Отвечаю! Ха ха ха…

Смеются! и им сходу выпалил:

– Я уезжаю. В Калини…

– Из носяры?

– Ага! Я ей как забуздырил!

– Ха-ха-ха-ха!!!

Не слушают меня. Я даже разозлился! Я вот сейчас прибежал к ним с бомбой, что сегодня же я УЕЗЖАЮ! А они ржут про какую-то носяру. Витек руками машет

– Ленка…

Чего им эта толстая дура? и ржут оба.

– Пацаны! – я стоял еще с одышкой. – Пацаны! Я сегодня уезжа…!

– Ха! Ха! Ха!

– Я попрощаться!!! Навсегда уезжаю!!!

– У нее пузырь, сопля! А я ей… – и Витек, как дебил махнул рукой.

– Ха-ха-ха!!!

– УЕЗЖАЮ!!!

– Ха-ха-ха!

– Уроды! – я даже вспотел от злости. Стоят, ржут, ни шишки не слышат, что я им говорю. Вот тут я действительно чуть не заплакал, но уже со злости. Я изо всех сил бегу, им по марке приготовил, вот – в кармане. Вечером еще в подарок и на память, а они, как дебилы: «Носяра!! Носяра!!!» – и ржут!!

Закричал Виталику в ухо:

– Я уезжаю!!! Уезжаю!!!

А Витек:

– Ха-ха-ха!

А этот дебил, Виталик развернулся и толкнул меня со всей дури. Я, я не ожидал и больно свалился на локоть. И, вдруг вместо плакать, такая злоба на этих дебилов!

– Ха-ха-ха! – Виталик гад! Стоит, лыбится на меня, рожа вся ржавая, веснушки по всей роже и изо рта по жизни воняет и как дебил стоит ржет. Оно само как-то, не знаю откуда оно вдруг. Я вскочил и сильно сжатым кулаком с замаха саданул его со всей дури в пятак, а Витька коленком в бочину. Я еще куда-то успел их ударить перед тем, как все стали драться.

Виталик первый разревелся, когда двинул мне сдачу и попал в зубы. И из носа у него текла кровь. В общем, передрались напрочь я один против этих двух уродов.

Иду домой. Подъезд. Поднимаюсь по лестнице злой, губа как у негра. Вроде кровь больше не течет, локоть только ноет. «Попрощался»! «Друзья»! Скоты это, а не друзья!

После этой драки в первый раз наверное тогда смутно мелькнула у меня мысль, что вся эта дружба, когда «плечом к плечу», «спина к спине», «друг за друга горой», все это дело случая. Вчера скажем – Да! и спасет и выручит, а сегодня оно все может измениться на сто раз. Сегодня он тебе сам может подставить ножку. Потому что сегодня все иначе и по сути вся эта дружба одна бадяга. Либо симбиоз – «ты – мне, я – тебе» грибы и дубки, но тогда оно не дружба, а взаимовыгодное делопроизводство с поболтать промежду прочим. Либо бывают искренние порывы сердца на необъяснимом, без рассудочном приятии, но такое также быстро тухнет, как и вспыхивает. И странно, сейчас мне было даже легче, тем, что передрались. Мне даже стало как-то спокойней на душе и со злобы мне не хотелось больше плакать.

Мама с порога:

– Это ты где? – но не ругала. Сказала только, что я «Как всегда!» Подошел к столу, вытащил альбом, сунул марки обратно в линию. Красивые две: «Соборная площадь в Риме» и «Тарас Бульба», специально этим уродам нес…

Позже, в обсоцсетях, набрав в поисковике их фамилии, имена, клички узнал, что Витек стал каким-то мелким подначальником подотдела в гор. управе Углича. Доступ к страничке ограничил, видимо от нежданных родственников с челобитными и старых друзей. А про Виталика узнал только, через общих одноклассников, что две ходки. Ха! Переплюнул меня! И вроде

сейчас в завязке, нормально. Достоверно ли все это? Не знаю. Хотя какая разница? Сейчас, он где-то на Дальнем Востоке, женат и вроде жив еще. Запросов добавиться в друзья никому не стал. Какие мы теперь друзья? О чем сейчас можно с ними? Не о чем. А тогда было очень обидно. Хотелось сказать им много, но и ладно. Губа почти уже сдулась. Собираю вещи в свою сумку…

ПЕРЕЕЗД.

Потом был вокзал. Поезд. Скучнейший день вагонной жизни «в окно» и ночь почти без сна. Вспомнил еще, досада, что в пне у речки ножик забыл. Тощища! Поезд – Тыдын – тыдын! Тыдын – тыдын! На станциях фонари в глаза. Простыня чем-то воняла непонятным. И на рассвете почти не спамши, сполз перехватами на раскоряку со второй полки и увидел в окно его. Вот он этот город Калинок.

Слезли с поезда: отец – чемодан, мама – сумку. Говорильня вокруг, толкотня, гудки поездов, грохот железячный. Перешли над путями.

– Элей не лей! Элей не лей! – заорал теткин голос в патифоны на столбах. Чего она говорит? Ниче не понятно! И опять:

– Элей не лей! Элей не лей! – Кто ее тут понимает? Иду весь злой с сумкой. Прошли через вокзальный зал, здесь она еще громче заорала:

– МЭНЭЛЕЙ НЭЛЕ НАНА! МЭНЕЛЕЙ! НЭЛЕ НАНА! – несколько каких-то встали, сумки в руки и пошли. Видать эти ее поняли.

На выходе нас встретил пузатый шофер. Из носа волосы торчат. Отца встретить выдали служебную машину. Ух тыш! Волга! С оленем. Я на такой ни разу еще!

Ехали долго. Повороты улицы. Столько машин! Туча! У нас там машин вообще почти не было. Наконец-то нужный дом. Я это понял, когда свернули во двор и остановились. Серый 4, 5 этажей. Отец сказал: «Четвертый этаж».

Поднимаемся по лестнице, везде табачищем пахнет и темно 2, 3, 4 этаж. Квартира номер 15. Я посмотрел исподлобья на черную пузатую с белыми пуговками дверь. Вот тута теперь моя новая жизнь.

Зашли когда, полы заскрипели, пахло тапками. Голые стены, голые лампочки с потолка на проводах, трещина на белом потолке. Я пошел осмотреться. Все тут похоже, почти также как там у нас. Разница только – здесь было не 2 комнаты, а 3. Там где сейчас оказалась третья комната, у нас была стена. Целая лишняя комната! Хотя, какая разница? Квартира все равно служебная. Сегодня – наша, а завтра отца переведут и будет дяди Васина. Это все мама Витька хвасталась, злая тетка, что у них – Да! Квартира ихняя, а у нас ничего своего нет. У нас все служебное.

Хожу по комнатам, рассматриваю, скриплю полами. По стенке таракан пробежал. В два окошка улица: машины. Сколько их тута! У нас там машин совсем не было, а тут – целый мешок. Уткнулся носом в прохладное стекло. Возле окна сбоку росло высоченное дерево, там дальше аллея. Вид конечно лучше, чем раньше – на забор. На тротуаре вон тама лавочки, люди, кто сидит в шахматы что ли? Из-за спин не видно, кто то шастает мимо туда-сюда. Отошел от окна, пошел дальше по квартире. Два других окна во двор, ничего интересного, скамейки, качели, горка. Во дворе одни щеглы с бабульками. Даже смотрю на дерево, тут тоже было одно огромное – шалаш можно залезть сделать, но не хочу шалаш. Бабка какая-то вышла из нашего подъезда. Чего они все эти бабки – руки в боки?

– Эдик! Эээдик! – и совсем в горло – ЭЭЭЭЭДИК!!!

Я очень ждал, чтобы она от этого лопнула. Собаку или внука? У Витька был Эдик. Болонка. Вечно лает. Собака! Такая скотина! Выглянул посмотреть – не, не собака, мужик какой-то. Ушли, ругаясь, хотя и может просто говорили. Не, бабки они не разговаривают, они только ругаются…

НОВАЯ ШКОЛА.

В первое день в школу меня повела мама. У нее-то было хорошее настроение! Идем, показывает мне дорогу. Про свою новую работу что-то говорила. Комбинат или чего-то там, я не слушал. Мама у меня бухгалтер. Как она работает? Я ни шишки ничего не понимал из ее работы. Мне только счеты ее нравились деревянные, но ими она не считала, у нее Электроника была в розетку и цифры красным. Идем, значит, она показывает, что до угла того дома, потом повернуть направо, еще два дома, потом повернуть налево, потом еще раз направо и до конца. Мне оно без разницы! Иду – под ноги смотрю.

– Не шаркай!

Сто лет шли, пока в конце улицы не увидел эту школу. Относительно моих прежних расстояний, до этой школы было очень далеко. Раньше, там, до колонки и вот, а теперь надо переть полгорода. До этой, это половина города, где я раньше жил. Я рассеянно смотрел по сторонам повороты право, лево, лево, право чего тут запоминать? Я же не Сусанин, не в лесу.

М-м! Надо было запоминать! Это я потом понял, что дурак. Всегда надо помнить обратную дорогу! Право, лево, лево, право. Надо было четко знать – куда и где поворачивать! Дело в том, что тут как бы надо разбить немного тематически. Издалека. В каждой стае новичок – он чужой. Он должен либо доказать кулаками свое право на существование, либо его заклюют и он сгинет. У людей, в некоторых видах сообществ тоже самое, смотря, где и как: в армии сейчас оно – дедовщина, в царской оно было – цуканьем, в зоне те кто «упал», станут лохами и терпилами, а в школе это называется чморить нового. У животных оно в порядке вещей: инстинкт крови разрешает убивать чужака, если чужак сам в свою очередь не отстоит себя силой. У людей же оно преследуется и порицается, но все равно существует спокон веков. Я упустил это из виду. Совсем и не думал о таком! В моей старой школе было что-то похожее, но там все было совсем безобидно. Помню, Лёшке мелом спину заляпали и еще как-то налепили ему сзади листик «Пни меня!» Так, коленком пару пендалей дали и всё. Он даже и не обиделся. А здесь все оказалось по другому…

Поднялись в третий этаж. В калидоре новая училка навстречу:

– А это вы! (Это она маме) Ну, здравствуй, молодой человек! (А это уже мне) молодого человека забуздырила.

У этой училки на лице был центр тяжести, я бы сказал настоящий магнит: на щеке у носа торчала огромная черная бородавка, поэтому я сначала увидел бородавку, а уже потом всю остальную училку. Высокая, костлявая, некрасивая старуха. Я с трудом отмагнитился от ее бородавки и в пол, а они дальше с мамой про что то.

Стою, скучаю. Наконец звонок на урок. Я даже обрадовался ему. Любят они эту говорильню. Наконец попрощались, и она ввела меня в класс. Да! Учительницу звали Раиса Степановна и Рая открыла двери в Рай, который был ее классным кабинетом. И только я зашел, как сразу же поймал на себе, со всех сторон глаза и все нехорошие такие. Чего они? Уставились на меня, как на дурака. Чего?

Она прилепила свою костлявую руку к моей спине и нежно так подталкивала идти, приговаривая:

– Дети, познакомьтесь! У нас новенький. Антоша, Антон эээ К… К…

– Красильников – подсказал я ей.

– Антоша Красильников. Он будет учиться теперь в нашем классе.

Че-то никто не обрадовался, все смотрели зло. Я не встретил ни одного приветливого взгляда, ну, по крайней мере из тех, что смог перехватить. Раиса Степановна подвела меня к моему месту, сказала, что первым математика. Я отодвинул стул, достал математику, дневник, пенал и там всякое барахло: резинка, линейка, карандаш. Моя была третья парта, второй

ряд, сел рядом с какой-то девчонкой. Девчонок в классе было мало. Повезло, не повезло – не знаю. Достаю еще зачем-то Русский. А! Математика же, не смотрю на нее. Тут все как обычно: «Дежурные? Кого нет?» – какой-то кучерявый выскочил вытереть доску. Вторым был Русский, я как-то всю перемену сидел, не обращал ни на кого внимания, но после чтения на перемене я вышел в калидор. Ж-па ныла сидеть. Стою возле стенки, смотрю на других, и тут подскочила моя соседка – две косички. Подскочила ко мне и быстро-быстро так дыхнула мне тихо-тихо:

– Они тебя после школы.

Я вытаращился:

– Чего после школы?

Она резко мотнула головой, зыркнула по сторонам глазами и опять шепнула:

– Побьют. Беги! Уроки кончатся – беги!

– Кто побьет?? – но она больше ничего не сказала, а скачками пропрыгала обратно в класс. Зыркнул ей вслед.

– Больнушка! – и уже громче – Дура!

Не понял я тогда, не увидел ее доброго сердца, ее желания мне помочь. Правда, она толком ничего не объяснила, сама со страху все по сторонам озиралась, боялась, что ей самой влетит за предупреждение.

Я пожал плечами, даже хмыкнул, нарочно храбро улыбнулся, на это ее «Беги!» И вроде, как на переменах все было тихо, мирно. Все орали, бегали, игралися в калидоре. Кто-то в лянгу, кто-то во вкладыши шлепали по полу, другие в догонялки, кто по кучкам стоят, разговаривают. Я, правда был один. Ко мне почему-то никто не подходил познакомиться. Ну и ладно! Я сам тоже ни к кому не лез, и меня никто из них не трогал и не бил. Я бы даже и забыл ее шепот, и вообще не стал бы переживать, что со мной должно что-то случиться, что они меня будут там бить или еще чего. Все как бы хорошо, если бы не те двое. Один рыжий, дылда-дистрофик с огромными ручищами, второй лысый, такой шкет: плечи широкие, кулачища большие, из-за этого квадратный какой-то весь. Они все время без отрыва следили за мной. Все время оба зырили на меня. Стоят, и зырят, и молчат. И как-то вот затылком я почувствовал сначала, а потом всерьёз стал думать, что девчонка может и не дура, что кто их знает – чего они хотят? И решил про себя, как только прозвенит последний звонок, вдруг они и правда станут бить? Решил, что надо бежать. К последнему уроку, который природоведенье. А! Не – еще два чтения. Значит, еще два урока, но беспокойство мое как-то росло все больше и больше. Да она не врет, я в этом убедился уже окончательно. Бежать! Училка кого-то спрашивала, кто-то отвечал. Я тоже ответил за умеренный климат в Европейской части России. Потом все сидели, писали в тетрадках, но я как-то сам, не знаю почему, я больше не думал об уроке, а следил, как они следят за мной. Почему-то мне стало тревожно. Ворона! Да точно! Она на ворону похожа, ходит по рядам и каркает:

– Тимохин, соберись! – или – Тишина! И Дум! Дум! рукой по парте. Кольцо у нее что ли? Звук такой, железякой. Эта ворона вела урок, а я выпал. Я внутренне готовлюсь. А к чему? Не знаю к чему. Чего они всё смотрят? Не, точно, если они толпой, то бежать. Сижу в классе, второе чтение подходит к концу последние минуты урока, в горле пересохло. Калгатня по классу.

– Тихо!

Этот, значит, последний в расписании. Раиса, как ее?.. царапает мелом половинку доски – домашнее задание. Все открыли дневники. Оно звук на голубей похоже, когда стайка крыльями, только тут страницы дневников. Все сидят, записывают с доски. У нас там не зеленая железная, а нормальная деревянная была коричневая. Все глазами туда, сюда, туда, сюда. Я тоже открыл свой дневник, а мысли нет чего надо записать, вместо этого уставился в окно.

– …подчеркнуть сказуемые.

Мне оно сейчас до лампочки – рассматриваю улицу. Вижу: забор, сетка, там вон ворота, а дальше в заборе вижу – дырень. Опачки! Большая! Можно проскочить… Но, не, туда нельзя! Там дальше два длинючих дома, они меня там поймают – два пальца. Не, надо вон с той стороны, с той стороны забор был целый. Перелезу быренько. Опять же вспомнил, как однажды нырнул в дырку забора, там у нас, не глядя, зацепился и порвал кофту. Пес ее знает, как тут эта сетка торчит? Еще зацепит и… Не! Надо вон туда бежать. Да! Там через забор, через кусты, мимо гаражей и за угол, там вилять можно…

– Керасинов! Керасинов!!!

Моя соседка толкнула меня в локоть. Я на училку. Какая она некрасивая! На меня в упор смотрит Раиса как ее?..

– Керасинов! Ты записал?

Ржанье. По партам заскакало передразнивать: «Керасинов», «Керасинка», «Карась»… Это она меня что ли?

Встал:

– Я Краси…

– Записал домашнее задание?

– Да.

Зачем соврал? Я ж не записал. А если проверит? Но меня спас звонок. Все шумно стали сгребать всё в сумки. Давка в дверь. Переждал, вышел последним.

Иду по калидору, одевая ветровку. Значит, через кусты. Да! Для себя я решал, что оно, оно это все это пусть как игра в индейцев. Что я нет, я не трус! Я здеся, я как дикий индеец. Да! Индеец! Я один, а они все, шайка бледнолицых уродов, которые хотят меня линчевать. Одевая шапку, вспомнил про своих друзей. Конечно скоты, но сейчас бы они дрались за меня. Жалко, что их нету тута. Хотя, если, то опять бы ржали, как я убегаю:

– Зырь, Витек! Храброе сердце!

Если бы они были бы сейчас здесь со мной, то точно бы заржали. Уроды! Не, хорошо, что их нет. Хотя, они же друзья, мы бы наверное спина к спине отбивались… Но нету их. Нету! Мне одному теперь. Да, бежать! Вон, крутятся, смотрят. Не, точно – бежать. А что еще? Честно драться? Они? Не, они не будут, они все на одного. Это – стопудово! Так что, я, оно это я, не трус, не убегаю, а оно, это я просто один. Это, это… как его?.. Отступление! Точно! Отступление! Трусы – они, когда не все на одного, а один на один, я бы тогда конечно, а сейчас я нет, я не трус…

С этой теодицеей своей «храбрости», я вышел в фойе. Потом, гораздо позже как-то, кто-то и совсем про другую школу сказал, что у них в школе был негласный закон – Ни ни! Никаких драк, перебранок на территории, а то живо вылетишь, а за забором – пожалуйста! Хоть перебейте друг друга. Самое удивительное, что местами это действительно работало. Ни одного конфликта, ни в стенах, ни на территории такой школы не было. Это что-то сродни закону лагерников.

Ладно, забрал в сторону. Иду, значит, и все жду, что сейчас накинутся, но нет, они кружат только, единственно к моим одноклассникам присуседились еще из параллельных 3го Б; А И Г, Гэшники всегда гавнюки. Я еще на что-то надеялся, что может это так только все, но вон Рыжий на меня пальцем тычет. Последняя моя надежда лопнула. И тут, вдруг, меня спасла волна старшиков, она накрыла меня с головой и понесла. В общем фойе нас всех закружило волной от 1 до 7, оно как когда смываешь воду в унитазе! Крики, давка, все в дверь ломятся, кому-то на ногу наступил, от кого то луком прёт, а про себя радуюсь: «Идиоты! Кажись, потеряли!» Шапку надо нацепить, чтоб по макушке не запалили, но тепло рано в шапках, хорошо, что мама сказала ветровку. Давка толпаганом – это хорошо! В груди разливалась радость. Точно потеряли! И-ди-о-ты – 4! По-те-ря-ли – 4! Мне даже стало легче дышать. Меня волной вынесло на берег, а они там все потонули.

Иду. Иду с подпрыгом даже, радостный такой. Я уже совсем спокоен, дышу свободно по-те-ря-ли – 4. Сам себе уже, что чего бояться? Может девчонка свистела, дура. И сам дурак в окошко смотрел – куда линять. Ну, смотрят. Ну, и че?

Свободно вышел в ворота, я свободный, я радостный. И, внезапно свист в пальцы. Вздрогнул даже! Откуда-то сбоку. Справа. Свист. Громко так! Справа. Это коротышка Сеня, Женя, Кеня… не помню как его, из моего класса. Стоял сегодня у доски, дебил. Под носом у него блестели сопли. Сейчас, сидя на заборе такает на меня пальцем

– Пацаны! Пацаны! ПАЦАНЫ! Вон он, вон! Вон! Вон!

И все, гад, пальцем тычет в мою сторону. Не знаю, голова ни о чем не думала, а ноги как-то сами побежали. Опять свист. Обернулся, чтоб глянуть. За мной неслась толпа. Не трое, не пятеро, а лавина. Я поднаддал. В ушах забарабанило пульсом – Дум, дум, дум! Портфель – зараза! Больно бил по бокам. Лямки длинные, их бы подтянуть. Никогда раньше не подтягивал. Обрадовался! Не будет ничего! Беги теперь! Глазами я ловил тротуар: бордюры, канавки, кочки, люк. Сейчас оно совсем лишнее, но машинально пробежал по нему – Бы-дын! Ранец! Тормозит зараза, но нельзя сейчас его. Свернул налево.

– Куда несешься! – и сапог. Какая-то тетка, не видел. В спину засвистели. Портфель лупил по печенкам Бам! Бам! Бам! Зараза! Несусь во всю.

– Стой! – и они мне тоже сапогом. Свист, второй, пятый. Свернул за угол дома, еще раз, подъездная дверь нараспашку. Заскочил за нее и рывками за ремни подтянул лямки. О! Другое дело! Ранец теперь прирос к спине, у меня теперь скорость. Где-то рядом:

– Пацаны! Он сюда!

Увидели? Я опять рванул. Как увидели? Опять сзади свист и меня обогнала пара булыжников.

– Вон он! Пацаны! Слева, слева!

Свист. Я ломонулся по диагонали через футбольное поле к столбам, где были натянуты веревки, а на них трепыхались простыни, наволочки, пододеяльники. На всем бегу я нырнул в сырую прохладу белого белья. Одна простыня больно полоснула меня по открытому глазу – Ссс! – пришлось его закрыть. Времени останавливаться тереть, промаргивать у меня не было ни полсекундочки. Гоняться с одним глазом – капец! Это никак! Вывернул башку как лошадь, чтоб видеть куда. На бегу пытаюсь открыть ошпаренный бельем глаз, и, не знаю как, но вдруг увидел, что в подъезде одного из домов на том конце светит свет. Значит, дверь насквозь. Ура! Все эти вторые двери по жизни заколочены наглухо, никогда не видел, чтобы с улицы открывалась такая. Вторая дверь всегда заколачивалась, чтоб не сикали, чтоб не туалет. Как будто со двора туда нельзя зайти посикать. Но сейчас я обрадовался, решил заскочить и через нее, открытую пробежать насквозь, на ту сторону. Везуха! Со всех ног рванул туда. И все бы было замечательно. Я бы просто испарился для моих преследователей: был я и вот – нет меня. Я чувствовал, что оторвался от них и кто теперь бы знал, что я забежал в этот подъезд и что подъезд этот, что он сквозной? Я же через белье и потом свернул и двор большой вариантов куча – куда я делся? Но бабки!…

В лесу естественная сигнализация это птицы. Если хоть одна заметила крадущегося хищника, она тут же подымает шум, крик, свист, оповещая тем самым всех своих друзей, родственников и прочих пернатых об опасности, и атака потихоря срывается. Больше хищнику не светит напасть врасплох и чтоб в дамки. Теперь, ему вообще ничего не светит. В лесу птицы, а во дворе такая естественная голосовая сигнализация это бабки.

Пробегая мимо скамеек и уже предвкушая, что вот сейчас еще чуток и я наконец-то избавлюсь от хвоста, я обрадовался, ликую, под ноги не смотрю, а у этой яги из скамейки костыль торчал. И, мне со всего маху по ноге как даст! И БЫДЫН! БЫДЫН! По асфальту. А я полетел и деранул ладони, пробежав ими дальше шага три на четвереньках, но не упал. Нет, не упал! Ну, все бы ничего, все это ничего, это я бы пережил. Ну, ладно, споткнулся, чуть

не упал, ладони процарапал немножко, костыль – всяко бывает. Но на меня вдруг со всех сторон бабки в девяносто глоток как заорут, все разом: и сволочь! и скотина! и гаденыш! Конечно, эти сзади, они все услышали и увидели, и опять засвистели:

– Пацаны! Пацаны! Он туда, туда! Гля, там у бабок!

Моё тайное ныряние в подъездную дверь накрылось. Ну, теперь мне оставалось только продолжать мое бегство. Прострелив дом насквозь, я вылетел и понесся по аллее мимо высоких деревьев. Разглядывать их времени не было, поэтому пусть это будут дубы. Дальше я за углы домов, нырял в палисадники, потом двор, еще двор, выбежав на противоположную часть улицы и в третий двор. Машина вдруг гадская забибикала, но я успел проскочить у нее под самым носом. Еще двор. Там, помню, на бельевых веревках мужик выхлапывал половик. Удар и ковер взрывался облаком пыли, удар и снова взрыв пылюги. А я бежал. Я проскакивал дворы, тротуары, кусты, палисадники, скамейки, прохожих, машины, бордюры уже не считая – где, что и сколько и чего я пробежал. Я бежал. Бежал изо всех сил до тех пор, пока в моем левом боку вдруг что-то не лопнуло болью. Я уже знал ее. Селезенка! Только при ее взрыве, бег мой сломался, и по инерции пробежав еще несколько метров я остановился.

Стою нагнувшись, уперевшись руками в коленки. В глазах темно. Дышу, как загнанная собака. Овчарки так пыхтят с языком до пуза после долгого бега. И как-то тут вспомнил – читал, как в одной книжке один умник учил: «Дыхание надо плавно восстанавливать медленными, глубокими вдохами, медленными, долгими выдохами.» Ага! Видать этот дебил не бегал как я. Стою дышу через боль, как паровоз, в глазах темно и круги, селезенка порвалась, глаз слезится, ноет, ноги гудят. Пишет книжки, сидя задницей – как надо правильно дышать. Подумал. Единственный, кто меня бы мог сейчас понять, это тот марафонский бегун, который пробежав 40 с чем-то там километра от Марафонов до Афин, добежал и сдох. Увидел невдалеке лавочку и решил, что: «Будь, что будет!» – поплелся к ней. Догонят – догонят. Я теперь вот сяду и буду сидеть сто лет. Так я и сделал. Сидя на лавочке с ноющей селезенкой, переводя дух, я не сразу заметил рядом бабульку. Тут разница! Есть бабки, это, которые ведьмы вечно орут на меня, а есть бабульки – они это наоборот. Сбоку ее голос, я даже вздрогнул от неожиданности:

– Ты где штанину порвал?

Я глянул на правую штанину, она была целая, а потом на левую… Ба-лин! – там, от колена до самого низа светила белым моя голая нога. Щука! И, тут я вдруг разозлился. Какого Лешего я, как заяц все это время бегал? Порвал штаны, сижу тут, как этот самый, и все болит! И еще где я? Улицы я все перепутал, носясь туда – сюда по дворам. Сыкло! Да лучше б они меня побили! Нет, честно слово! Ну, побили бы. Ухо бы там или глаз. Ну и че? Вот щас тоже глаз! Зато не было бы так стыдно, как теперь, когда я слинял, как сыкун. Я не воин, я – чмоин! Так получается? Так!

Я сидел насупившись, закусив губу, ругая себя про себя и прислушивался, как моя селезенка потихоньку начинает отпускать меня на волю.

Всё! Домой! Набегался!

Встал, пошел. А куда? Тут до меня дошло, что я не у себя тама, а здеся, в Калинкине. Город этот – не мой город. Я тут ни шишки не знаю! Ну, пойду назад значит, откудава бежал. Сейчас соринтируюсь.

Плетусь и ни какого понятия – куда? Школа! Да, точно школа надо до школы, где же?.. Дома, проулки, деревья – никакой школы. Бордюр поломатый, значит направо. Да! Надо от него направо. Но, пройдя квартала два, я вдруг замедлил шаг. Не, не направо, надо было может налево? И вообще я все кругами бегал. Где теперь право, где лево, где прямо? Пёс его знает! Как назло ни адреса, ни номера своего дома я сейчас не помнил. Нее, когда мама говорила – я всё знал, а теперь я забыл. Вообще не помню! Ни улицы – как называется, ни номера дома. Выходя в школу, я теоретически само собой, как бы все знал – что живу теперь там-то, там-то,

но практически я еще тут не жил, то-есть мне никогда еще не приходилось здесь возвращаться черти откудава домой, ясно представляя себе, что дом мой стоит с таким-то номером на пузе, на такой-то улице. Оно, потому что мой дом, он был не здесь. Мой дом остался там, на улице Партизанов 15. Здесь, я еще не привык, что это мой дом. М-да!… Куда мне теперь идти?

Я просто поплелся так, шаря глазами найти какие-то знакомые ориентиры, но голый Вася! Ничего! Дом. Еще дом. Все на морду одинаковые. Остановился, окончательно убедившись, что заблудился. Ништяк! Приехал! Как-то сам собой вспомнился тот фильм – под Новый год смотрели мама, отец, дядя Леша с теть Зиной. Помню они смеялись, а я не мог понять – Че они там смешного? Там мужик перепутал дома, перепутал город и всем было смешно, что он такой дурак. А теперь вот? Вот теперь бы они тоже смеялись надо мной? Я же тоже сейчас, как дурак, стою и не знаю – куда мне идти, потому что я не помнил ни адреса, ни дома, ни улицы. Вот сейчас бы они смеялись? Помню, там где-то видел будка телефонная на углу. И тут меня осенила мысль! Я решил спросить ту бабульку, которая мне про штаны, спросить ее как до школы. Номер школы я помнил!

Вернулся, но ее уже не было. Иду, смотрю по сторонам. Честно сказать уже вечерело. На лавочках во дворах становилось все свободней. Но! Вон! Вон там сидит не она, но может не бабка. Я радостный, затаившись, только бы не бабка, только бы не бабка подошел и УРА! Не бабка, а бабулька, бабульку сразу видно.

– Бабушка, скажите пожалуйста, где 157 школа?

Она посмотрела на меня

– Уроки же закончились.

– Да! Да!… Мне… На дополнительный надо.. – соврал, а сам дырень прячу боком. Наверно не поверила, потому что промычала на меня «М-м»…, но показала рукой, что вон там и назвала улицы и опять рукой в ту сторону и сказала где свернуть…

– Улица Некрасова, улица Некрасова – бормоча себе под нос, я быстро зашагал.

– Некрасова, Некрасова… – А! Чуть не забыл повернулся к ней

– Спасибо бабушка! – Она что-то в ответ наверное «Пожалуйста!» или другое чего, это я уже не расслышал, я уже опять бежал со всех ног. Я опять мог бегать и побежал в том направлении. И свернул где она сказала, как надо и твердо придерживался той улицы, которую назвала бабулька, радостно отсчитывал дома на минус до нужного перекрестка. Значит еще 5 надо! Надрапал тыщу километров! Бегу, считаю цифры. Не хило я промазал!…

МОЯ – НЕ МОЯ ШКОЛА.

Да вот-вот, уже скоро и в итоге к своей большущей радости, я, наконец-то увидел ее. В конце следующего дома, через улицу на углу ее знакомый квадрат забора. Это была моя школа! Которая, конечно не моя, но моя. Она, шаг за шагом, приближалась ко мне островом. Пегий пес! Земля! Я спасен! Я сейчас очень ей обрадовался, теперь домой найду. Странно, днем я ее ненавидел, а сейчас рад, что – вот она.

Увидел булыжник, стал шастать – пинать его, и мысли замелькали как-то, много-много, все сразу. Тормознул пока идти домой. Всяко-разно стал думать про то, сё, какой у меня теперь класс. Да какой? Никакой! Одни уроды! Мой старый класс – это да! Сто раз был лучше и учительница, а эта Крыса Степановна: голос мерзкий, вся страшная, чем-то от нее воняет, и когда «Пэкает», «Бэкает» слюни летят. И она специально меня «Керасиновым». Ворона старая! Нина Ивановна всех по имени, а эта меня по фамилии, на Русском – Керасинов, личные местоимения? Скотобаза! При маме – «Антоша» сю сю сю, а тут морда утюгом и -М-дааа… Плаваешь, Керасинов, садись. Эти еще сзади все хихикали. Они все в одной шайке, она тоже с ними. Или еще как заладит – Керасинов, у вас что там в деревне не вели дневника Природоведенья? Учти,

здесь городская школа! И че, что городская? Она мне, «добрая», «на первый раз прощает» тройку карандашом, а за дневник точку. Отец узнает – убьет!…

От сильного пинка булыжник ускакал куда-то в кушары. Для себя я конечно решил, что завтра никуда не побегу от них. «Буду драться. До последней капли крови! И подумал, что сейчас мне торопиться уже некуда. Врагов моих нету. Они, конечно, струсили меня ждать. Тут мысль! Можно теперь просто пройтись вокруг школы. Я же не знаю ее. Что там слева или на той стороне? Просто интересно же? Не потому, что я завтра буду искать какие-то выходы, в смысле пути к отступлению. Не! Я завтра дерусь! Это все! Я решил! Штаны порвал и позор… как заяц… Нет, все! Надо биться! Как их там?… Зараза крутится Филы, Фрилы, Филы…, которые спартанцы? Короче, я так же буду. А сейчас просто посмотреть че тут. Просто посмотрю. Просто не потому, что куда тут можно завтра бежать. Нет! Просто так посмотреть я же имею право, где я учусь теперь и что это за вообще дом. Какие вокруг дома? Где деревья лазать? Интересно же! Так? Так! Конечно, оно все само собой же. Тут прогулка, а не то чтоб куда слинять.» – и окончательно убедив себя в том, что это «просто так», я как-то тут же весь осмелел. Улыбнулся, даже свистнул немножко. «Сами они испугалися! Не дождались. Трусы – белорусы! Если бы они смелые, они конечно б меня дождались.»

Ветер гулял в дырень штанины, холодил ногу, а у меня сейчас было отличное настроение, я гуляю. Медленно, не торопясь, по хозяйски, и, как-будто, я забыл ключи от калитки, как-будто это мой дом, но только, здесь не дом, а моя школа, и я уже много раз так делал раньше, всегда так делал, я спокойно перелаз через забор. Оп! Оп! «Так, теперь вот она школа, а вон они – третий этаж… семь, восемь, девять справа. Да, точно, вон они окна моего класса. Из них вот эта самая липа видна или клен, я не знаю кто.»

Руки в карманы, насвистывая, пошел осматривать сначала свой корпус. Когда сегодня с мамой шли сюда, я ее не особо рассмотрел, все больше под ноги смотрел. Не хотел ее даже видеть. А потом, когда уже драпал, уже тоже не посмотреть, а теперь я взглянул на школу как-будто в первый раз. Мм! И мне она понравилась! Это была не та обычная серая школа, с этими, такими намордниками над окнами. Те школы всегда были все одинаковые два, три этажа, серые, плоская крыша. Нее, эта, здесь другая. Здесь была большая, высокая в четыре этажа с колоннами. И окна были необычно узкие и высокие, и потолки высокие. Мне, вот сейчас, вот смотрю снизу, мне эта школа очень даже! «Инженерный замок. Точно! Уже вечер и окна темные. Конечно, оно сказка, но вдруг, свечка в окне? А я иду и руки в карманы рассматриваю и не боюсь.»

Прошел наш корпус. «Вон там, наверное старшики учаатся. Там вон третий еще какой-то. Пока еще не знаю. Сейчас увижу.» И тут вдруг в голове закричали их сапоги. «Сапоги! Они ж в меня сапогами еще. Камни я сразу запомнил. Они, камнями в меня шмаляли сразу запомнишь!» Справа, слева, скакали по асфальту, обгоняя булыжники или видел еще, который пролетал над головой. Но их сапоги я только сейчас вспомнил: «Сапоги!». Они вот как-то сами собой откудаво-то вылезли. Какими только сапогами они в меня не шмаляли! Тут надо рассказать почему сапоги.

Это все Витек виноват. Как с ним познакомился, сразу научился свистеть в пальцы так, что в ушах звенит. Теперь меня за километр слышно, если свистну. Так вот, и еще он все какие-то слова, помню, говорил непонятные. Помню, мне эти слова сразу понравились. Веселые какие то! А он, что у них вся семья так, даже бабушка. Я итак завидовал ему, что у него отец дворник, соломы – завались и квартира всегда ихняя. И еще все у них дома эти слова веселые знают и разговаривают. Ну, в общем один раз за обедом, как обычно говорили отец, мама, и я тут тоже про что-то начал рассказывать и несколько сапогов всунул – трам! тара-рам! та-рам! Я то думал все засмеются, слова же смешные. А они – мама, отец – тишина. Помню, отец медленно положил ложку и сказал:

– Встать!

Я встал.

– Выйти из за стола!

Я удивился, но как-то сразу и встал, и вышел.

– Рядовой, Красильников! В грязных сапогах дома ходят?

– Нет, товарищ подполковник.

Эээ, не, он тогда еще майором был, но не важно.

– Так вот. Заруби, – говорит, – Себе на носу!

Отец сказал маме заткнуть уши и перечислил все те слова, которые я только, что говорил, и даже те, которые не говорил, там еще оставалось несколько. Одно было любимое у Витька.

– Внимательно слушал?

– Да, – говорю – Товарищ майор.

– Так вот, – говорит – Запомни, эти слова – это грязные сапоги. Са-по-ги! Ясно!?

– Так точно, товарищ майор!

– Дома и при маме, чтоб больше ими не топтал! Ясно?

Я вытянулся в струну

– Так точно! Товарищ майор! Ясно! – и мне наряд вне очереди, я тогда получил гору грязной посуды в раковине. Насупившись и надув губу, моя посуду, я лишний раз подумал, что: «А вот Витьку – везуха! «Сапоги!» Сапоги!» У него и отец так, и мама, и даже бабушка говорят. И никто его за это не ругает. И не ругает, и не говорит – Это нельзя! Это не положено! И не заставляют за это мыть посуду: целых 5 тарелок!…»

Но вот, что действительно, я с тех пор ни разу не произносил этих слов не только дома, при маме, но и на улице. Мы даже с Витьком иногда дрались из-за этого. Он все: «Скажи, да скажи!» А я не говорю. Он обычно начинал: «Баба! Баба!» А я ему в пятак, а он мне в пятак или ухо и пошла карусель. Ну, в итоге, я изобрел велосипед, придумал – как можно. По научному это прозвали эвфемизмом. Мы порешили с Витьком и Виталиком переделать сапоги так, чтоб их можно было говорить всегда и чтоб за это никто не ругался. Но мы то знаем, что это такие же сапоги. Вместе придумывали. Я «Щуку» и «Пелядь» придумал, а Витек «Воблу» и «Иди на уху!» Витек даже сам начал так говорить. А! Виталик еще «Тараса» придумал. Но за Антона (кто меня придумал так назвать!). Маму спрашивал меня переназвать, а она говорит, что ей нравится, что я – Антон, поэтому всегда буду Антоном. «Спасибо, мамочка!» Я за этого Антона с этими уродами каждый раз дрался! Вырасту когда – сразу поменяю имя. Хуже Антона – только Тарас или как его… Эдик…»

Иду сейчас вспоминаю, что сегодня они в меня столько сапогов накидали: «Счастливчики! Видать они за это посуду не моют…»

«Иван родил девчонку, велел тащить пеленку» – мысль о сапогах перекрыл вдруг голос Крысы Степановны с ее: «Иван родил девчонку, велел тащить пеленку.» И эти все, как бараны сегодня за ней повторяли, хором: «Иван родил девчонку, велел тащить пеленку».

– Керасинов! – я опять не сразу понял, что это она меня

– Керасиннов!

Меня всего от злобы дернуло:

– Я Красильников!

– Встань! Все говорят, а ты почему молчишь?

Встал:

– Я итак все падежи знаю.

– Это, Керасинов, веселая методичка. У вас в деревне такого не было?

– У нас не деревня! У на…

– Садись и повторяй, со всеми!…

Я сел: «Старая ведьма!» и про себя всю ее завалил сапогами…»

Опачки! А вот и задний двор! Корпус школы отступал с каждым шагом, открывая улицу. Я стал разглядывать ее сквозь сетку забора. Через дорогу там, на той стороне тоже был забор только деревянный и весь разный: то зубцами, то синий, то сплошной. Он плясал вдоль дороги волнами выше-ниже, крашенный-не крашенный. «Видать каждый хозяин свой делал. Там вот желтый, значит, чей-то одного, следующий видать не ихний, потому что серый. Да точно!» – я сейчас с упоением наслаждался своей логической дедукцией. За забором торчали дома все одноэтажные. Много-много! Толпаганом. Целая улица одноэтажных домов. Какие-то повыше, какие-то совсем низкие чуть-чуть башку видно из-за забора. А тот вон самый жиробаз из всех. Труба кирпичная из башки торчит. И что меня всегда смущало в этих домах: «Сколько же там комнат? Если, вот у этого жирдяя по стене 4, 5, 7, 7! окон, это 7 комнат? А по другой стене у него 3, 4, 5, 5 окон. Это 7х5 эээ… 35. Это тама 35 комнат?» Я очень мечтал хоть разок побывать в таком доме, но ни у кого из моих друзей не было такого дома. Все – кто, в обычных квартирах жили.

Надоело смотреть через сетку забора, и я перескочил через него, перебежал (хотя машин не было) на ту сторону и стал идти вдоль этих домов. Иду по небольшой такой узкой улочке. «Интересно, тут машины вообще ездят? Ни одной! Хотя асфальт и вон. Вон! Люк есть!» Я обрадовался. Люки я любил! Это была моя игра. Я ее придумал. Вижу люк вдалеке, беру прицел, разбегаюсь, вот сейчас ноги тоже уже сами набирают скорость, прицел на люк и на последних метрах ускоряюсь со всей дури тэ, тэ, тэ, тэ, тэ, толчок, прыгаю на него со всего маху – ПУМ! и… И не провалился! Я не провалился! Это как Русская рулетка. Как-то раз услышал про нее и решил: «Вырасту – сразу сыграю. Это ж самое мощное, когда я сейчас вот должен сам застрелить себя. Страхово! Но ставки сделаны, палец твердо давит на курок, морды вокруг уставились – все на меня. Все ждут и… я жму курок до упора, стреляю… Все ждут выстрела, и я сам тоже жду. Мысль: «Все! Хана котенку!» Но вместо выстрела щелчок! И… Фу! Просто щелчок. Нету Ба-баха! Висок целый, и я живой! Красотища! Вот с этими люками я сам придумал такую же игру – разбегусь, прыгну на него и провалюсь – или не провалюсь? Я слышал много историй, когда люки переворачивались, и люди проваливались в длинючие, глубокие колодцы. Вдруг я прыгну и тоже провалюся? Лечу темно, холодно, последняя мысль, что я герой и Хрякс! Жуткая смерть! Я же вот сейчас разбегался и не знал – люк твердо стоит или не твердо? Со всего маху на него прыгаю и вдруг бы провалился метров на 100? Вникуда! Зажмурился: «Иии… Быдын! И, и стою. Живой!» – и сразу такая радость! Еще пару раз разбежался – прыгнул, но надоело. Одному играть – не то. С пацанами было веселей – все хотели, чтоб другой провалился. Кричали мне:

– Провались! Провались!…

Скоты! И че то настроение опять в трубу. Бросил люк, пошел дальше шастать у забора. «О! Машина! Ездят, значит.» Стал пинать булыжник. Ни о чем не думаю, только в пальцах ноги ощущение твердого пинка по камню. На рыбаловку сейчас похоже, когда остался один последний червяк, вечер, а в ведре пусто. Закинул, сижу ничего не жду, сам знаю – ничего уже не клюнет и все равно не ухожу домой из тупого упрямства. Знаю же, что Голый Вася, но до самого позднего вечера могу вот так, как баран сидеть. И здесь буду ходить, и пинать булыжник. Хожу и пинаю, и в башке пусто, и хорошо, что пусто, сейчас так лучше всего. Краешком замечаю, что там-сям зажглись огни в окнах, из труб домов повалил клубами дым. «Готовят наверное.» Я развернулся и со всей дури пнул камень об деревянный забор напротив. БАМ! Вдруг, над ним выскочила огромная собачья башка и прям мне в ухо остервенело:

– ГАВ! ГАВ! ГАВ! ГАВ! – да так громко!

Я аж отскочил. Всего пробил озноб ужаса! Огромная! Лает басом. Сто тысяч мыслей в секунду, а впереди всех одна: «Если она сейчас сиганет чрез забор – я не убегу. Метров двадцать от силы. Кусать начнет, кровь, швы, лечиться, 40 уколов в живот, загрызет…» И эта вся чехарда прогнозов – разом в одной секунде времени проскочила в моем мозгу. Машинально

отскочив от забора и сев калачиком, закрыв голову руками, я не сразу услышал за лаем, звякнувшую цепь. Сердце еще бешенно колотилось, но тут я выдохнул:

– Фу ты, ну ты!

«Цепь! Не, не побежит!» – а сам тут же вскочил и дал тягу. Бегу, но сразу отлегло. «Че то день сегодня плохой. Все меня гоняют. Не! Хватит, гулять! Теменюга. Надо домой!» Но сначала зазырил по сторонам – никого, тогда быстро с сильными брызгами отлился под большущим серым забором какого-то дома и потом весь легкий, пошел до улицы, где были ворота в школу.

Стартовав с них, я завернул и стал нащупывать верное направление. Теперь все делал не спеша: углы, повороты – все становились на свои места. Здесь, у телефоной будки надо налево, там у кривого столба еще квартал прямо. Я вышел на большой, шумный проспект и меня сразу накрыло шумом машин, и понесло волной прохожих. «Проспект Карла Маркса точно! Забыл! Дебил! Мой дом на проспекте Карла Маркса! Карл у Клары украл кораллы… как там дальше про кларнет? А! Клара у Карла украла кларнет…»

МОЙ ДОМ

Еще два дома и вот он – мой перекресток, а там и мой дом. Много окон уже светят желтым. Зашел во двор, свернул в подъезд в потемках чуть не грохнулся, запнулся. Сейчас тут воняло сиками. Но это только на первом этаже, на втором уже меньше. Я не спеша поднялся в четвертый и тут совсем уже не пахнет. Это хорошо! Зато тут воняло луком, позвонил. Дверь открыла мама и с порога:

– Ты куда пропал!?

Я зашел, разуваюсь и нюхнув, обрадовался – луком не у нас. Мама сердито и громко:

– А со штанами что? А куртка? Где порвал?!… – мама хотела что-то еще, но тут отец ее перебил с усмешкой. Отец был уже дома:

– Чего ты ругаешься! Это он, мать так вещи нам с тобой помог разгружать. А мне:

– Футбол играли?

Мама что-то начала, но отец ей:

– Не шуми. Где сверлить?

Я честно еще ничего и не придумал – почему я пропал? И про дырень. Про себя зло: «Куда пропал? Пропал, потому что просто пропал! Пропал потому, что приехал в этот гадский город! Но ей же не скажешь такое! Про футбол он хорошо придумал.»

В руках у отца была дрель, они с мамой ушли на кухню. Оттуда она ему что-то, не слышу, но что-то сердито бормотала, а отец:

– Чего ты завелась?

Мама:

– …Бубу бу!

А Отец:

– Все дрались. Мать! Он же мужик, воин! – и что все дрались.

Мама:

– Бубубу, но уже мягче.

Переодеваюсь. Настроение, едва поднявшись, как я пришел, опять грохнулось. «Они там думают, что я дрался! Они думают штаны в драке порвал и куртка пыльная. М-м! „Дрался!“ Я дрался через кусты. Думают воин! Воин… Чмоин!…»

От стыда, обиды, досады во рту даже кисло. Я стал переодеваться в домашнее, и только сейчас, вешая снятую рубашку по привычке на стул, я обратил внимание, что вся мебель уже стояла на своём месте, что вешаю вещи, как обычно на свой стул, возле моей кровати. Вообще

все теперь было практически так же, как и раньше, там в нашей старой квартире. Слышу на кухне. Мама уже не сердито, но как оно по-Русски называется?.. Эээ. О! с усмешкой:

– Он бы лучше тут помог, если сил девать некуда.

Я, сейчас, не хотел об этом думать, что они меня в герои записали, когда я на самом деле трус, но не мог не думать: «Как я сегодня драпал! Трус! Скотина! Заяц!» И такая досада и злой, на себя злой, но еще больше злой, что они там думают, что я драчун и боец, когда на самом деле я сыкун и… Сердито подтянул трико до пузяки. «Все! Завтра дерусь! Точно! Всё! Это теперь никак!»

В комнату зашел отец, открыл ящик шкафа, достал оттудова банку. Жестяная круглая с крышкой. В ней всякого барахла и мелочевки: катушки ниток, пуговицы, иголки, значки, гайки, скрепки и еще всякое. Раньше любил в нее играть. Достану и все думаю – сейчас буду рыться и найду что-то такое – сокровище или золотую монету, но каждый раз перерывал и видел одно и тоже барахло и конечно ни монет, ни сокровищ. Отец вынул из нее катушку ниток по цвету моих штанов и иголку. Хлопнул меня по плечу и обратно к маме на кухню.

Сижу со стыда и досады глаза в пол, только что не плачу. Это ж он воина хлопнул – похвалил… Всунул нитку в зад иглы. Шью. Шить – я умею! Меня отец научил – как быстро и правильно стегать. Заштопал быстро, крутанул на пальце узел, затянул до упора. Готово! Свернул голову на бок. Они портные зачем-то все так тоже делают. Глянул, вроде ниче – чики-чики! Ну, неплохо! Шва почти не видно, ну, если только совсем в упор. Иголку в катушку, катушку в банку, банку обратно в ящик, штаны на стул.

Стал осматриваться по сторонам. Да. Вещи, мебель, паласы все совсем как там у нас было. Это они, пока я в школе, мама с отцом пораньше с работы и все расставили. Отец собрал сервант, шкафы, обеденный стол с гнутыми ножками. Опачки! На столе увидел белый квадрат газеты. Я быстро кинулся к нему. Бумага еще гладенькая. Свежий выпуск! Наверное, отец по пути с работы. Все это время, что я вертел головой и узнавал признаки прежней жизни, тоска моя за все то, что я сегодня пережил, эта противная тощища, которая прищемила где-то и все тянула, тянула, она вдруг улетучилась при виде газеты. Отпустило. «Га-зе-та – 3. Шах-ма-ты – 3!» Пролистав впопыхах новости, политику, по пути морда какая-то в очках на полстраницы, но я торопился мимо них только к одной нужной странице, перевертывая все эти не нужные, а они все гады как назло заламывались, тормозили меня. «Отец все это, всю эту скукотищу смотрит, читает, а надо мной шутит, что рыбак… М-м! Рыбаловка в тыщу раз интересней, чем эти лысые пузыри в пинжаках, но ему скажи такое… О! Вот она! Та самая!» Аккуратненько вытаскиваю нужную мне страницу. Там ребусы, загадки, анекдоты, дурацкий рисунок, кроссворд – всякая шушель, но на самом краешке есть она. То что надо мне – шахматная задача с картинкой доски и фигур в диспозиции, а под ней решение предыдущей. Прошлую я профукал. С кухни слышу мама:

– … накладные были у них…

Нашел листик тетрадный, карандаш, резинку. Теперь наоборот мама что-то говорила понятное, а отец только – Бу буб бубубу

– … у них на балансе не было!

– …бубу бу…

Но я уже не здесь, я уже на шахматной доске, на поле боя. Стал думать, водя карандашом вензеля, выстраивая ходы в комбинации. Часы на серванте тикают. И который раз прокручиваю пешки, слона, Ферзя и голый Вася! Не вижу линии! На каждый мой ход есть отмычка. От злости даже вспотел. «Тупой что ли?!» И тут еще на! Вдруг выскочила рожа Рыжего, как он лыбился. Он и все эти, что были там сегодня, и Лысый, и шкет Сеня, Саня, Соня… как его там? Все тоже залыбились: «Керасинов! Тупой дебил!» В голове зашумела школа, все их рожи, а перед глазами задача. Не могу! Не бельмеса не решается! Весь лист тетрадки искучерявил

карандашом и ноль. В кухне зашипело, вкусно запахло жаренной картошкой с колбасой. Плюнул на задачу. Захлопнул газету. Потом!…

За ужином чудеса! Мама смеялась, отец много говорил про Палыча, про Зил:

– Честное благородное! Пока на него матом, он не едет…

Мама смеясь накладывала в тарелки

– Я тебе говорю!…

Они то оба веселые! А я мордой в тарелку. Спросили только:

– Ну что? Как в школе?

«Как?! Как?!» – это я про себя конечно «какал», а вслух, что:

– Да нормально все. – что пятерку по математике (которая тройбан карандашом) и класс хороший. «Хороший!» Ага! Все – гады! Думал шахматы, отвлекусь, а теперь стоя уже у раковины, моя посуду (сегодня я дежурный по кухне), мою, а в голове болото. Сейчас пойду уроки. Я, конечно, вторая смена, но всегда все с вечеру делал, чтоб утром свободным. Вот сейчас уроки, а завтра хоть не просыпаться. «Не хочу я в эту дурацкую школу. Не, я не трус! Обязательно драться! Но просто не хочу вообще я там учиться.»

ШАХМАТЫ

Уроки сделал побыренькому. Ничего сложного: две задачки, упражнение с подчеркушками и прочитал эту скукотищу про «Чука и Гека». И опять к задаче, уже не из интересу, а из одного тупого упрямства развернул газетные листы и сердито вперился в нее глазами. Я играю за белых. Так? Так! Я как-то всегда за белых лучше играю, особенно люблю начинать линию через славянскую защиту, там есть хорошие выходы. «Думай, тупая башка!» Но сейчас наново увидев загадку, я вдруг прозрел. Вот оно – намотано! Тут же проще простого! Сразу повеселело всё. Из тупого барана, я вырос в мудрого полководца и тут на доске я решил, что эта задача, это как мой завтрашний день. Точно! Рыжий, все эти скоты они играют черными, а я белыми. «Щас я их!», – и теперь уже зная решение, я тут как-то развеселился. «Я – стратег! Я полководец! Я и только я знаю, как оно все завтра должно случиться. Значит, из условия задачи его первый ход конем F5D6. И тут этот его первый ход значит, он подойдет ко мне и рассмеется, начнет ржать, что вчера как-будто бы я текал от него. Скажет – Трус! и в общем все такое, и все будут тоже смеяться. Это был его ход конем, но этот ход меня ни капельки не напугал. На это я ему отвечу белым офицером D3H7 Шах! – это значит, что я шагну к нему навстречу впритык и толкну его прям в грудак сильно, что он от неожиданности свалится на землю и заохает. А они все забоятся, затухнут, и станут зырить на меня. Рыжий, конечно, попытается встать – король G8H8, попытается избежать моего сокрушительного наступления, но я тоже не дебил дам ему хорошего пендаля, это офицером H7G6. И еще раз пендаля – шах ладьей! Вдруг с фланга выскочит его лучший друг Лысый – Ферзь D8H4 и загородит собою короля Рыжего. Этот Лысый по шпионски нападет на меня сбоку, но я все видел и готов, я вижу всю ситуацию, слежу за всеми возможными вариантами ее развития. Опачки, как я умно завернул! Это я откудава-то из новостей наверное запомнил. Но Лысый только подсунется, а я его кулаком по репе – ход ладьей H3H4. Двину, получится кулаком не по Рыжему, а по Лысому. Со всего маху! Прям в нос – На! Лысый конечно тоже свалится на пол схватится руками за свою носяру. Кровь, все такое. Разревется, как баба. Рыжий не может встать, я его буду пинками и тогда ему останется только кувыркаться по полу H8G8. Дальше он будет вилять башкой туда-сюда, пока я его буду дубасить сев на него сверху: ладья, ферзь. В конце концов – ферзем H3H7 поставлю ему мат. Это левым кулаком прям в зубы. Победа!…»

Я даже вспотел от радости. Гордый собой, своей победой, тем что отныне с тираней Рыжего было покончено, я разделся, лег в кровать и стал все оставшееся время читать Купера. Уже перед самым сном, вдруг задумался про того старика. В голову внезапно зашла мысль: «Старику надо было взять с собой мешочки с табаком. Табак и чтоб с перцем. Точно! Табак +

черный перец. Да это было бы лучшее средство отпугнуть акул, баракуд. Пару мешочков под брюхо марлина. А остальное рассыпать частями по пути пока плыл. Но не знал он, не додумался захватить табак и перец. Вот если я когда-нибудь так же один в лодке в море поймаю здоровенного марлина, я конечно заранее все возьму и перец, и табак, и в зубы Крысе Степановне…»

В этих поплывших раздумьях меня накрыло сном.

ОЖИДАНИЕ И РАЕЛЬНОСТЬ.

Эти шахматные победы над Рыжими и Лысыми на листе газеты – это конечно все красиво, но это рассудочная злоба. В драке ей нет места. В драке гораздо важней – звериные инстинкты. Правда, я тогда еще об этом ничего не знал. Шахматная победа над ними, как из подборки парных фотографий – «Ожидание» и «Реальность», где вся хохма заключается в их чудовищном несоответствии друг другу. Я в тот вечер мысленно нарисовал себе первую – «Ожидание», когда я весь такой храбрый, дерзкий, сильный, ловкий воин-боец смело вступаю в неравную схватку с моими одноклассниками и одну за одной одерживаю победы. Но на следующий день нарисовалась вторая картинка, которая «Реальность». По пути в школу я был еще полон решимости, но зайдя в класс, я как-то сразу весь стушевался, весь затих и сник. Они одними глазами всего меня смяли и скомкали. Из вчерашнего льва вечером, сегодня днем я снова обернулся в трусливого барана. Последний звонок, и вот я опять бегу. Бегу и сам чувствую весь этот невыносимый позор своего положения, но ничего не могу с собой поделать. Ни вызова, ни драки, а опять только одно трусливое бегство между домов, заборов, мимо деревьев, прохожих… Меня травили и гнали, а я со всех ног драпал – виляя, петляя, уворачиваясь от камней. «Н3Н7 МАТ»! Ага – получи! И я даже чувствовал сейчас во всем этом моем позоре какое-то злорадство! «Н3Н7! Мат! Н3Н7! Победа! Герой! Сила!» – так сам себя распаляя, своим позором, я сейчас сверкал пятками. Но и это еще не самое дно. Самое постыдное было то, что в сердце, которое колотилось как барабан зайчика, в самом-самом, самом дальнем его уголку, теперь сияла некая подленькая радость. Я радовался тому, что вчера все здесь вот обошел и знаю теперь – что, где и как. Знаю дорогу, которая короче и безопасней для моего стрекоча, а главное больше не заплутаю. И сейчас я несусь и сам чувствую, как что-то такое подгнившее, радостное греет меня где-то там на самых дальних задворках моего Я. Что – вот этот дом я теперь знаю, пробегу его, а за ним надо повернуть налево, а там до конца, до перекрестка. Несусь и радуюсь, что сегодня я бегу правильно, что не потеряюсь, как вчера…

Так началась моя беглая жизнь. И на следующий день бегу и через. Я уже привык к этому. Быстро привык! И я уже дока в этом, уже совсем мастер – как слинять? Радостно, что все теперь мне знакомо и даже к свисту пообвыкся и к ихним сапогам в спину, и к булыжникам, иногда прыгающим там-сям, обгоняя меня по асфальту. Ниче так! Я – нормалёк! Сзади свист:

– Стой щука!

А я – нормалёк, я бегу. Свист:

– Стой гад! – и пара камней справа скок, скок, скок.

– Пацаны! Вон туда, туда его! Пацаны!!! – а мне плевать, я спокоен на это, у меня есть скорость, она у меня хорошая. И где-то спустя неделю такой жизни в бегах, я как обычно бодро чесал и оставалось уже совсем немного, до того, чтоб окончательно оторваться от них, как вдруг меня ослепила жгучая боль в левом ухе. В него со всей дури саданул хороший такой, увесистый булыжник. Я вдруг задохнулся от боли! Как карась стал ловить воздух ртом и тут случилось непоправимое. Оглушенный болью, я потерял ориентир дороги и на всем бегу запнулся, полетел и грохнулся, растянувшись на асфальте.

– Пацаны! Шкура! Бей его!

Я едва успел приподняться на карачки, попытался встать, когда меня несколькими пинками сзади уложили обратно в пылюгу асфальта. Они со всех строн стали месить меня ботин-

ками: по бокам, по голове, по ногам, по ранцу и в локоть тоже прилетел пендаль, потому что голову я машинально закрыл рукам, и локти торчали. Кто-то болюче саданул по плечу, рука сразу отсохла. Я лежал в грозовой туче, где молнии боли с нарастанием сменяли одна другую. Ни о чем не думал! Только вспышки боли. И сколько времени они меня метелили? – я не знаю. Вечность или сто вечностей? – когда где-то, кто-то вдруг не рявкнул хриплым басом:

– А ну!!!

– Пацаны! Атас! Дворник!

Меня еще раза два пнули, а потом они все разом рассосались, и я остался один – лежать на асфальте. Не открывая глаз, я лежал на нем, жестком и пыльном и первое, что было – это радость. Да радость! Я радовался! Радовался, что они перестали меня бить, и что я теперь свободен. Свободен от них! Я лежал сейчас почти счастливый! Больше не бьют и боли больше нет. Хотя, нет – вру, есть боль, но только та, что со мной, но я могу ее не видеть, она маленькая, она такая маленькая, что ее почти что и нет. Главное это то, что ушла та другая большая боль, та, которая прилетала с каждым новым ударом ботинка. Я от нее избавился, ее больше нет, ничто меня теперь не мучит. Я могу теперь просто лежать, вот тут на тротуаре и радоваться, что лежу, и не бьют. А если не бьют, то можно лежать хоть сто лет. Спокойненько лежать и радоваться. Но все-таки было что-то такое, какая-то заноза. Что-то такое, что все-таки мешало мне, что-то назойливое, как наглая гадская муха. Я стал прислушиваться к себе. Боль? Нет, не она. Та боль, что сейчас, я к ней уже привык и свободен, нет не она. Мысли? Нет, не то! Мыслей тоже никаких особо сейчас нет, я ни о чем сейчас не думаю. Я радуюсь, что лежу на асфальте. Он даже теплый и совсем не такой грязный. Звук! Да точно! Точно мне мешал радоваться звук. Это вот: «Шфить! Шфить! Шфить!» Мерзкий такой! Как пилой голову: «Шфить! Шфить!», – и опять: «Шфить! Шфить!» Совсем уже рядом, совсем уже близко: «Шфить! Шфить!» Зачем оно тут! Шфить! Шфить!!! и чей-то голос:

– Долго валяться будешь?

«Голос тот самый хриплый, который их прогнал. Дворник! Я уже слышал – они его. Да это он их, они тоже кричали, что дворник, но я сразу про то забыл тогда. Забыл, что дворник. Откуда это паршивое – «Шфить! Шфить!?»

– Они тебя лупят, пока ты бегаешь.

Шфить! Шфить!

– Сопляк! Привык за мамкину юбку прятаться!

Я вдруг весь разозлился, даже глаза открыл посмотреть на этого дворника. «Откуда такой умный высрался? Чего такой умный улицу подметает? Чего вообще он знает обо мне! Че лезет со своими советами! Я его просил?»

– Шфить! Шфить! – совсем близко, под самым ухом – Шфить! Шфить!

И вдруг меня выдернуло вверх жесткой ручищей.

– Вставай, сопляк! Хватит нюнить! Себя жалеешь? Я бы такого сам отпи***л! Размазня.

От злости моя голова стала наливаться свинцом, застучало в висках и затылке и вдруг, как разболится! Вообще, сейчас стоя, вся боль как бы тоже разом поднялась вместе со мной на ноги. Стою. Этот, уже шфистит своей метелкой в конце дома, а я все стою. «Если метелка – циркуль, то этот дворник – пыльная точка в центре. Точка! Точка – это почти ничего и Витек дурак, и его папаша дворник! И вообще – никогда не буду дворником!» Звуки машин, птичьи звуки, шумы городского моря сейчас больно вонзались булавками в голову. Я впервые как-то задумался, что теперь оно всё то, что сейчас болит – это всё я! Я весь! А раньше я этого всего себя не замечал и ни разу не думал обо всём себе, что вот оно всё у меня есть. Совсем не знал, что меня так много! Но сейчас это всё моё, везде болит!

Кое-как отряхнулся. «Япона борода! Штаны! Опять?!»

На них была мазёвая дырень! «Надо домой побыренькому – замыть все, заштопать, чтоб родители…»

Шагнул и тут прогремел новый выстрел боли. Коленок! Вся та боль, которая казалась ОГО-ГО! оказалась фиглем по сравнению с коленком. Я его видать со всего маху шарахнул! Но с силой, стиснув зубы, надо идти. И кое-как я поплелся. Первые шаги не ахти, но потом приноровился – опираюсь на зашибленную ногу, как на костыль и резко:

– Ать! Два! Ать! Два!

Короткий, быстрый шажок сначала на костыле и потом длинный шаг здоровой ногой.

– Ать-два! Ать-два!

Иду стиснул зубы, ругаюсь, бормоча под нос все сапоги. Мне теперь плевать! Сапоги теперь можно – вся жизнь моя тута, здесь – один большой сапог! И со мной дружно зашагали в ногу целые дивизии сапогов:

– Ать! Два! Ать! Два!

«Город Калинок этот… – сапоги, с кучей домов… – сапоги, школа… – самые отборные сапоги! Крыса Степановна и мои одноклассники… – самые-пресамые сапоги!»

– Ать! Два! Ать! Два!

Бордюр… Шагнул с бордюра и от боли в глазах шарахнула молния. В этот момент я как раз о классе своем новом думал и в них во всех с этим Рыжим и Лысым, я зло насапожишничал автоматной очередью. И еще я был сейчас на кого-то обижен. На кого? На кого-то безликого, который самый виноватый со всеми этими своими разговорами, правилами, что «Только один на один!» и про честность, про «Лежачего не бьют!» Я до слез сейчас обижался на него незримого за всё это, за то, что оно все это вранье и НОЛЬ! «В жизни все эти правила ничего не стоят, ни шиша они не стоят, когда скоты. А в классе у меня Ать! Два! Ать! Два! – одни скоты и в других – Вэшники, Гэшники, Жэшники такие же скоты! Ать! Два! Ать! Два! Нету никаких правил со скотами. Они бьют, потому что хочут, потому что сильней и их много и чего там вся эта правильная фигля? Эта жизнь со всеми этими индейцами, дуэлями, про кодексы чести, героев? Поначитался – Лондоны, Риды, Куперы всякие… Понаписали… А где у них Крыса Степановна? Мм? Нету! Она в жизни есть, а у них нету и такого гада Рыжего тоже нету! Она, Ать! Два! Она, я знаю, она с ними за одно. Писатели! Фигня все это! Со скотами ничего оно не катит. Ать! Два! Да любой Майн Рид или как там его? Гада?!… Лондон, все на бумаге такие все смелые, а толпой на них? Сразу в штаны наложат, когда их толпаганом. Это им не в бумагу писать. У толпагана нет чести и доброты ни шиша. Они уже не человеки, они скоты, стая. Сила! Ать! Два! Ать! Два!…»

На подходе к дому, стало совсем тяжко! В голове роились мысли. Как же мне быть дальше? Пугала перспектива времени. Завтра, послезавтра, через месяц? Неужели это все будет вот также одинаково? Таким же как и сегодня? Может убежать из дома?…

Еле как доплелся до подъезда. Лавочки. Бабка какая-то на меня уставилась. «Чё уставилась! Старая ведьма! Не зря вас сжигали! Ать! Два!» Зайдя в подъезд подошел к лестнице и понял, что это будет самое трудное. Подвиг! Сейчас с таким коленком подняться на четвертый этаж. «Почему мы не живем здесь на первом, как раньше? А я здесь вообще не живу, я здесь только мучаюсь! Но надо, надо успеть до родителей. А как гладиаторы мм?…»

ЭВЕРЕСТ

Четвертый этаж! Я заглянул вверх в пролет между перилами. И коленок! Он, гад, тоже увидев эту высоту лестниц, как назло сразу стал весь такой болючий, зараза! Зашипел на него от злости. Стиснув зубы, вцепившись в перила, я начал подъем. «Нога-костыль, значит-ца первым на ступеньку.» – дернулся вверх и от боли вылетел сапог чуть не криком. «Нее… Не катит! Так – никак!» Надо по-другому, лучше сначала на костыль упор и резко заброс здоровой ноги на ступеньку и на ней вверх.

– Оп!

Поднялся с горем пополам. Пошло дело! Ступенька за ступенькой. В висках монотонно стучало сердце: «Пум Пум!» Ступенька за ступенькой, голова раскалывается, ухо горит, в горле пересохло. Ссс… Потрогал коленок – горячий. «Пирожки можно жарить. Еще ступенька, квартира номер восемь – денег просим. Так? Так! Так? Так!» Как старый хрыч, старый пердун, подбадривая себя «так-таканьем» – шамкаю по одной ступенечке, держась за перила. Сам с собой:

– Главное чтобы моих дома не было!

Мучило еще смешанное чувство стыда и тревоги, тревоги даже больше. Не, тут не тревога, тут – страх. Вот – самое что меня мучило. Да я все думал: «Вот сейчас я подымусь. Да! Я это сделаю! Как бы больно оно сейчас не было, я это сделаю. На это у меня хватит характера, упрямства.»

– Тебе бы Рыжему в пятак характера! Эээ!

«Но самое будет, если уже кто-то дома, то мне капец… Всё, про всё придется. И как бегал, и что трус, и… Смотреть будут. Все. Мама жалеть, а… А Отец? Пад-пал-ков-ник! и такой паршивая овца сын. Трус! Сыкло! Не дрался! Даже в зубы никому там. Сразу чухнул! Вот что самое! Позор! ПО-ЗОР! Он, если как Бульба лучше бы застрелил. Эээ… Опять одна болтовня. Книжки! Все у меня из книжек. Там одна писанина. Где бы такой Тарас был?» Тут мысль опять откуда то, что – хуже всего, когда зовут Тарасом, а для девчонки хуже всех Инна. «Виталик так сапог шифровал всегда, когда кого посылал -Ин на! Где теперь эти мои друзья? Тоже все скоты!»…

Еле как заполз на третий этаж и пролет, пролет на четвертый. Здесь, дверь была одна красная. Больше половины прошел! Даже обрадовался! Осталось совсем немного, я стал вышагивать бодрей.

– Ать, два! Ать! – и костыль – Два!

Здоровой ногой наверх. «А если уже дома? Ох! Как же больно! Ать два! То, тогда лучше вообще не идти. На улице спать? Дурак что ли?!»… Кое-как, доковыляв, я стал прислушиваться горевшим ухом в дверь, она приятно его захолодила. Стою, затаив дыханье, слушаю, но внутри тихо – ни звуков, ни голосов. Уже было обрадовался, и тут откуда-то другая мысль по лбу: «А завтра? Вот насчет завтра, что делать? Завтра как? Коленок не пройдет.» Он сейчас, гад, вообще болел один за всех. Я уже и забыл, что меня лупили по другим местам: башка, бока, ухо, плечо всё забыл. Сейчас был только один коленок! «Как же больно!» Тоска – тощища! И тут новая мысль – спасательный круг, стоя перед дверью, в конец отчаявшись, меня осенило. Наверно, так огорошило в свое время Архимеда, когда он выскочил с голым задом из ванны, закричав – Эврика! И у меня вдруг тоже Эврика! «А не пойду я завтра в школу! Родители уходят рано на работу, мне во вторую смену. Кто узнает? Ну, просто отлежусь на лечёбе, так сказать. Мне залечиться надо, а то труба. Завтра в школу никак нельзя.» И я вдруг даже заулыбался. Так легко стало! Выход есть! И, главное – нет больше самой главной тревоги. Я потому полз так медленно, что это оно меня придавило – это мое «завтра». А теперь – Выкуси! Я завтра вот буду цельный день дома. И такая радость в раз накрыла, что впопыхах уронил ключ. Карячился потом, как пьяный старикашка – широко расставив ноги и держась одной рукой за стенку, но все-таки поднял его и, отперев дверь, уже не обращая внимания на боль, морщась и шикая быстро стянул башмаки. Поставил их у стенки. Еще быстрей стащил штаны и глянул на коленок. Ого! Кровяка засохла, но весь опух и синий. От того, что смотрел на него, он, гад в ответ еще сильней запульсировал болью. «Зараза!» Но тут я уже разозлился на себя. Времени было в обрез.

Надо сначала штаны щеткой отряхнуть от пылюги. Не найдя щетку, стал чистить ладонью, шлепками выхлапывая пыль. Хорошо, что сухая. Если бы грязь, то тогда все, а тут пара минут и почти чисто. Вздрогнул. Показалось, что в дверь ключом. Замер, но нет, это где-то в подъезде. «Фуу ты ну ты! Быстрей! Ящик, катушка, иголка.» Нитку засандалил сходу. Повезло! Заштопал наспех, но вроде ровно. «Теперь – в трико и домашнюю рубашку. Не,

рубашку пока рано. Локоть еще сочится. Сукровица. Надо чтоб подсохло, а то…» – и рубашку пока повесил обратно на спинку стула. Так! Школьную форму тоже на стул. Так! Суечусь и от радости, что все у меня получилось так ловко и завтра я дома, коленок теперь даже почти что не гудел. Вот тут-то на радостях, дуя на локоть, я в первый раз ясно ощутил в себе некую Точку Одиночества. Я старался себе ее уяснить, но если сейчас собрать всё то обрывочное, то оно было приблизительно так.

Эта Точка – был самый Я, Я, который настоящий. Этот самый настоящий Я, он был известен только мне одному со всеми моими переживаниями, со всеми моими самыми глубинными терзаниями, стыдом, с самыми сокровенными мыслями, проблемами, страхами. В этом месте, в этой самой маленькой точке был только Я один. «Вот мои родители. Я, конечно, их очень люблю: маму, отца. Отца, конечно побаиваюсь, но все-таки тоже люблю, но вот, сейчас – моя проблема, если разобраться. Разве я им могу рассказать всё то, что со мной происходит? Нет! Где-то там есть мои друзья самые верные, но им я тоже никогда не расскажу, потому что мы, наверное, больше никогда и не увидимся. Наверное, где-то есть такой человек, которому я бы захотел это всё моё рассказать. Пускай, неизвестный попутчик в автобусе. Не, автобус тут не пойдет. Слишком быстро. В поезде. Да! Точно! Говорят, что попутчику в поезде можно рассказать все, но я же сейчас никуда не еду и нету сейчас никого, нет этого попутчика. Значит, с моими проблемами, с моими сейчас тревогами, страхами, мыслями… Да, да хотя бы за этого Рыжего, я сейчас один на один с самим собой. Я в точке. И эта точка – она твердая как камушек. Ее никто никогда не раскусит и не узнает ничего в ней, никто кроме меня и никто ничем не поможет. Своими советами, которые, как этот дебил дворник. Гад! И никто ничего в ней не понимает в этой моей точке моего Я, и просто потому еще, что я никогда никому ее не раскушу. Тут это еще главное. Вот этот дворник – дебил! Знает как мне делать! Ага! Отец? Отец, иногда что-то начинает говорить, а мне все эти разговоры сейчас как до Луны. Я сейчас в точке, где происходят только мои переживания. И только я знаю о них, и только я могу в них хоть как-то разбираться. Я один и никто больше. Я один! Я один, я всегда один! В этой самой моей точке…»

Позже, когда соприкоснусь с религией и теософией, я пойму, что вот тут-то и был побег из Рая. В этом главном, в этом всеми пропускаемом мимо атоме и есть самый главный пункт – почему ни одна религия не может объединить людей вполне. Да потому, что если эта точка моего Я распадается, как того требуется в большинстве религиозных течений – Стань каплей! Раствори свое Я в общей любви и благости некого Универсума! Это будет значить, что меня тогда уже не существует. Пусть корявенького, пусть Нетака, но меня, т.к. теперь мной руководит уже что-то Иное, чья-то чужая Воля, как то – Великая общность, а моей Точки больше нет и меня тоже нет. Тогда на фига я был? А если она остается целой, (эта Точка моего анархического индивидуализма), то тогда даже сам Господь Бог никогда не проникнет в нее, в эту Точку моего одиночества, в Точку самого моего сокровенного и самобытного Я. Она всегда будет зарыта для всех и останется самым твердым камешком в зубах общего, иначе где же тогда Я? Тут выскакивает еще одна загогулина – Бессмертная Душа, но идея ее существования вообще похожа на сказку про Белого бычка- т.к. кем был Я До этой жизни? И кем буду После? Ибо тело бренно, а они учат о Ее бессмертии. Ведь, я все свои телесовые Я «До» не помню, а «После» не знаю. Мое Я есть только сейчас, и никакого меня ни До, ни После не существует. Они эти До и После полностью теряют свой смысл, т. к. Я единственный и неповторимый есть только сейчас. И если даже их допустить, эту толпу, этот конвейер Меня в вечности, как возможность, мне все равно сейчас нет дела, ни до прежних, ни до будущих их переживаний этих неизвестных моих Я. Нет дела до их привязанностей и опыта мыслей, и они никак не влияют, на моё Я нынешнее. У мудрецов в этом месте выходит самая бурда, а они ее проповедуют с умными лицами. Такс… Начал о Божественном – первый звонок. Надо чай заварить…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.